

Детектив Юлия Земцова

Анна Данилова

Выхожу тебя искать

«Автор»

Данилова А.

Выхожу тебя искать / А. Данилова — «Автор», — (Детектив
Юлия Земцова)

Желание найти и покарать убийцу любимой сестры приводит московского бизнесмена Олега Шонина в город, где совершено преступление. Вести крайне запутанное дело он поручает следователю частного сыскного агентства Юлии Земцовой. Одна за другой отпадают версии, сменяются догадки о непонятных мотивах столь жестокого убийства. И вот, кажется, Юлии удалось напасть на след, но неожиданно она сама попадает в хитро расставленную ловушку преступников...

© Данилова А.

© Автор

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	42
Глава 5	52
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Анна Данилова Выхожу тебя искать

Дорогой милый Андрей!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А мне — любви —
то самое лучшее в жизни!

Учитесь, познавайте и
испытывайте удовольствие от
жизни! И творите сами!

Анна Данилова (франц.)

Глава 1

– Вы хотите сказать, – обратился старший инспектор уголовного розыска Сазонов к стоявшей рядом с ним на лестничной площадке пожилой женщине, – что ничего не видели и не слышали? И что дверь была открыта?

Но явно испуганная женщина – лицо у нее побелело, а губы тряслись – его словно и не слышала. Она смотрела, как в квартире, возле распахнутой двери, за которой они стояли, прямо в прихожей, на полу, лицом вниз лежит труп мужчины с зияющей рубленой раной на затылке. Прибывший судмедэксперт медленно, словно боясь причинить ему боль, переворачивает с живота на спину тело молодого соседа, Захара Оленина. А вокруг все забрызгано кровью...

– Это его что же, топором по голове? – спросила она наконец, поворачиваясь к Сазонову, белокурому худощавому, неопределенного возраста инспектору, все пытавшемуся прикурить от предательски не срабатывающей зажигалки.

– Неужели вы ничего не слышали? Ни криков, ни стонов, ни звука падающего тела? Ведь вы живете через стенку, а убийство произошло, судя по всему, сегодня днем... Сейчас только пять часов... Может, к нему кто-то приходил? Не слышали, как кто-то звонил ему в дверь?

– Нет, я слышала только, как он сам открывал дверь, у него много замков... Но шагов не было... И я подумала еще тогда, что жара и Захар решил открыть дверь для сквозняка, чтоб не так душно было, оставив ее на цепочке, знаете, как это бывает?..

* * *

– Крымов, предупреждаю сразу, если ты пригласил меня сюда с какой-то определенной целью, то можешь сразу же поворачивать обратно... И хотя я сто лет не была в ресторане... – Она говорила сурово, а в голове уже звучал манящий джазовый мотивчик, и она видела подергивающегося пианиста, сидящего за черным роялем у самой сцены.

– Ты хочешь сказать, что в Москве тебя никто ни разу не приглашал в ресторан?.. – Крымов подтолкнул Юлю к столику, как маленькую девочку, которая застыла на пороге кафе-мороженого, ошеломленная увиденным, с робкой надеждой, что хотя бы часть его ей удастся попробовать.

– Не перебивай меня... Думаешь, я ничего не понимаю? – Юля одернула свое черное узкое платье и наконец уселась за столик, поставив локотки на скатерть и уложив, как драгоценность, на скрещенные в капризно-жеманном жесте кисти рук свое свежее и сияющее личико. Выражение ее лица менялось ежесекундно – от дурашливо-насмешливого до откровенно ироничного, даже циничного.

– Я по тебе соскучился, неужто не понятно? – Вальяжный красавец Крымов опустил голову на манер капризного щенка, который ждет, чтобы его почесали за ушком... И она погладила его, ощутив пальцами теплую шелковую волну волос, от которой электрическим зарядом пробежал по ней будоражащий трепет. Но тут же отстранилась от него и сбросила с себя пьянящее оцепенение. Нельзя расслабляться укротительнице львов ни на минуту – в любой момент у хищника может испортиться настроение, и тогда... Это он только с виду кажется таким безобидным, ласковым и покорно-истосковавшимся, а на самом деле, пока Юля была в отпуске, он наверняка перелапал вот этими руками не одну женщину и не одна женщина чесала его за ушком в предвкушении наслаждения...

– Я тоже по тебе соскучилась, – стараясь не выдавать вдруг нахлынувшее раздражение (за будущие поступки Крымова, которые ей, очевидно, ничего, кроме боли, все равно не при-

несут), Юля постаралась даже улыбнуться и ласково провела рукой по его загорелой кисти. – В Москве так много народу... Мы с мамой купались в водохранилище, ели клубнику, много спали и болтали ночи напролет, как подружки...

– Рассказывай мне про маму, рассказывай... Не верю ни единому твоему слову. – Крымов, роскошный и холерный, во всем белом, отработанным, преисполненным шарма и уверенности в себе движением подозвал официанта, который, судя по его подобострастному взгляду и улыбочке, знал Женю не первый год, и сказал: – Белого вина, немного рыбы и остальное на твое усмотрение...

И когда официант удалился, рука Крымова чуть ли не по-хозяйски легла на колено Юли, крепко сжав его.

– Крымов, возьми себя в руки... Я согласилась поужинать с тобой в этом злочасном месте лишь для того, чтобы немного прийти в себя и привыкнуть к тому, что я действительно *вернулась*... Понимаешь, Москва – это государство в государстве. Там иной темп жизни, иные люди, там все по-другому... Москвичи не любят провинциалов...

– ...и поэтому ты всю дорогу изображала из себя москвичку? – хохотнул Крымов и посмотрел на нее ярко-синими влюбленными, просто-таки кошачьими глазами.

– Приходилось. Иначе бы затоптали в метро в первый же день... Кстати, угадай, с кем я возвращалась в одном купе? В жизни не угадаешь!

– Ну не с Шубиным же... Ему возвращаться еще рано, я его отправил проверить кое-какую информацию...

– Конечно, нет. Меня угораздило ехать вместе с Олегом Шониным, помнишь такого?

– Шонин? Кто такой, не припоминаю... – Взгляд Жени сразу как-то потускнел, по всему было видно, что он хотел подчеркнуть – эта тема занимает его меньше всего.

– Тот самый Шонин, сестру которого так долго искали в прошлом году... Женька, не придуривайся, ее вещи нашли на берегу пруда, а тело все никак не могло всплыть, вернее, все думали, что ее надо искать в пруду, ее искали с водолазами, а потом неожиданно нашли обгоревший труп... Вспомнил?

– Юлечка, скажи, ну разве можно за столом с такой хрустящей накрахмаленной скатертью и хрустальными фужерами говорить о сожженных трупах?

– Ее сожгли, предварительно привязав к кресту...

– Или ты замолкаешь, или мы отсюда уходим...

Подошедший официант, прижимая к груди бутылку вина, завернутую в белоснежную салфетку, аккуратно поставил ее на стол, откупорил профессиональным движением, и светлая прозрачная влага полилась в высокие бокалы... Следом за вином появилось блюдо с рыбным ассорти, украшенным желтыми шариками замороженного масла.

– Если я тебе не нравлюсь, нечего было меня приглашать сюда... Ты сам постоянно твердишь мне о профессионализме, о том, что я должна уметь абстрагироваться в любых обстоятельствах и не рыдать над трупами... Вы с Надей заставляли меня обедать в морге и даже получать от этого удовольствие, а теперь ты корчишь из себя «гурманистого» эстета или, наоборот, эстетствующего гурмана? Прекращай, иначе мы сейчас, чувствуя, рассоримся...

– Ладно, не кипятись... Хотя тебе это так идет... Смотри, у тебя даже щеки покраснелись, а грудь просто-таки выпрыгивает из выреза... Хорошее у тебя платье, оно и есть, и одновременно его словно бы и нет... Тоненькое, прозрачное, в кулачке, наверно, уместится... Все, уговорила, валяй про своего Шонина... Ну ехала ты с ним в одном купе, он небось убивается по своей сестричке?

– Убивается. После смерти родителей Инна жила здесь одна, и Олег до сих пор себе простить не может, что не забрал ее в Москву, хотя звал, настаивал... Знаешь, – Юля сделала маленький глоток вина и откинулась на спинку стула, – я лишний раз убедилась в том, что свою жизнь надо строить независимо от мужчин... Инна была влюблена, поэтому и отказалась

поехать вместе с братом... И погибла. Сейчас была бы жива и процветала... Олег занимается диетическим питанием, у него это поставлено на широкую ногу, куча магазинов в Москве, он купил дом в Испании, где проводит шесть месяцев в году... семья...

– Если он так богат, то почему же не обратился тогда в наше агентство, а предпочел ограничиться милицией? Он что, маленький мальчик?

– Да он ничего и не знал о нашем агентстве, и вообще, представь, в каком состоянии он находился, когда нашли эти окровавленные вещи на берегу... Когда он их увидел, как он мне вчера рассказывал, сразу же понял, что ее нет в живых... И еще... он ужасно жалеет, что так и не смог поговорить с Захаром...

– А это еще кто такой? – Крымов воздавал должное рыбе, с наслаждением запивая ее холодным вином. Казалось, он поддерживает разговор лишь ради приличия.

– Захар Оленин – тот самый парень, с которым она встречалась и у которого на момент убийства было железное алиби... Крымов, сколько можно есть? Может, ты на самом деле кот, а не мужчина? Смотри, вон видишь, что у тебя сзади?

Крымов резко повернулся, глядя на то место позади стула, на которое показывала ему Юля, но, ничего не увидев там, вопросительно посмотрел на нее.

– Я что, испачкал костюм? – засомневался он.

– Да нет, просто у тебя вырос длинный кошачий черный хвост, которого ты почему-то не замечаешь... И повадки у тебя соответствующие... Может, ты еще и территорию метишь?

– А как же... – Женя с удовольствием похлопал себя обеими руками по животу, благо что он был стройный мужчина и все нападки Юли были просто дежурной шуткой, не имевшей под собой оснований для насмешек по поводу его склонности к чревоугодию. Он широко улыбнулся, показывая превосходные зубы. – Мечу, еще как мечу... Весь город – мой!

– Ты меня не слушаешь?

Но она знала, что он слышал и помнил все, просто дразнил ее, что всегда входило в правила их полулюбовной, полудружеской игры. Он держал в своей памяти все имена и даты, все события и факты, какие только улавливало его ухо или глаз. И по тому, как он вдруг совершенно серьезно посмотрел на нее, Юля Земцова поняла, что она сейчас услышит что-то очень важное.

– Захар Оленин? Как же, вспомнил... Его убили вчера. Зарубили топором в собственной квартире.

Юля ахнула.

– Ты бы еще в обморок хлопнулась. Ты профессионал или кто? Кисейная барышня?

– Убили?.. Да за что? Что он такое особенное собой представлял, чтобы его убивали? Насколько я поняла, он был совершеннейшим инфантом...

– Кем-кем? – поморщился Крымов, нанизывая на вилку тонкий оранжево-розовый ломтик лосося.

– «Инфант» означает в моем лексиконе *инфантильный и никчемный мужчина*, усвоил?

– То, что он безработный, еще не дает тебе права так отзываться о нем. Обыкновенный – вот это более точная характеристика. Я понимаю еще, если бы его ограбили, а так – все вроде бы на месте, даже деньги и ценные вещи лежат на своих местах... Таких, как он, у нас в городе тысячи. Ничем не примечательная личность. Разве что с дерьмовым характером, ты уж извини меня...

– Шонин тоже приблизительно так же выразился. Ведь Оленин прятался от него, боялся встречаться с ним с глазу на глаз, хотя чего ему было бояться-то, его же на тот момент, когда произошло убийство, в городе не было...

– А может, он специально уехал? Может, знал, что его девушке что-то грозит?

– Ну, теперь-то мы уже этого никогда не узнаем... Убили... Как ты думаешь, стоит рассказать об этом Шонину?

– И как это мы можем ему об этом рассказать? – с издевкой, явно ревнуя Юлю к этому богатому москвичу, к Олегу Шонину, спросил Крымов. К теме денег Женя всегда относился почтительно, стараясь уважать чужое богатство. Но тут было другое. Тут ему претила мысль, что кто-то, куда богаче его, может иметь больше шансов завоевать расположение такой женщины, как Юля.

– Мы обменялись телефонами. Я подумала, что всякое может случиться... А вдруг он окажется нашим потенциальным клиентом?

– Ты знаешь, зачем он приехал в наш город?

– Конечно. Организовать поминки по сестре. Он сказал, что это для него святое.

– Ну да бог с ним, с Шониным... Давай-ка лучше поедим...

Пока они говорили, на их столе появилось несколько блюд, при виде которых Юля поняла, что пришла сюда не напрасно.

– Это кусочки свинины в лимонном желе, а это пирог с клубникой и взбитыми сливками, – гордо произнес Крымов. – Ты чувствуешь, как я тебя охмуряю? Ведь мы прямо отсюда поедем к тебе? Или ко мне?

Юля сдвинула коленки, зажав трепыхавшуюся шалую руку Крымова, и расхохоталась.

– Послушай, я тебе, честное слово, благодарна за этот вечер хотя бы потому, что успела за эти десять-пятнадцать минут почувствовать *тебя*... Ты рядом, а это означает, что я – дома... Послушай, ты не знаешь, чья это мелодия? Она просто разлагает на атомы мое тело... Кажется, это Петерсон?

Юля повернула голову – и залюбовалась профилем тапера, сидевшего перед оркестром. Это был тонкий и высокий юноша в черном фраке и белоснежной рубашке; на аристократическом носу с небольшой горбинкой поблескивали изящные очки в золотой оправе, длинные белые пальцы летали над клавишами, извлекая из рояля какие-то удивительные цветные, прозрачные, хрустальные звуки, слушая которые хотелось взобраться на стол и, попирая все эти соусники, блюда и рюмки, взмахнуть руками и подняться, взлететь к сияющей под самым потолком этого дорогого, сверкающего праздничными огнями ресторана люстре... Хотелось безумия, очень хотелось...

– Вот если бы у этого Оленина были состоятельные родственники, то мы бы, так уж и быть, помогли им найти убийцу этого парня... – лениво, чуть ли не по-кошачьи потягиваясь, проговорил Крымов, уставившись на утопающую в пене взбитых сливок горсть клубники на ломте пирога. – Боюсь, моя дорогая, что мы скоро станем банкротами и мне нечем будет платить вам с Надей и Шубиным жалованье. Тебе придется вернуться в адвокатуру, Надя, быть может, решится наконец завести ребенка, а Шубин вернется к Сазонову в уголовный розыск...

Он блефовал, как всегда. Юля знала, что он склонен к преувеличениям и эпатажу, но всегда подыгрывала ему, делая вид, что обеспокоена делами их сыскного агентства не меньше, чем он, их шеф. Их контора существовала уже чуть больше года и за это время успела неплохо зарекомендовать себя. Одно дело Сырцова, бывшего прокурора области, чего стоило... Хотя были и другие дела, пусть не такие громкие в городском масштабе, зато сложные и опасные, подчас камерного плана, когда необходимо было, к примеру, раздобыть важную информацию из интимной жизни, проверить платежеспособность частного лица или организации, разыскать пропавшего человека или убийцу, причем совершившего преступление довольно давно... Услуги частных детективов стоили очень дорого, поскольку Крымов оплачивал работу чуть ли не сотни агентов и работников того же самого уголовного розыска (в частности, на них работал сам Сазонов, ставший после разоблачения Сырцова старшим инспектором) и Виктора Львовича Корнилова, старшего следователя областной прокуратуры, с чьей помощью в свое время Крымов, его бывший подчиненный, и основал агентство. Более высокое руководство закрывало глаза на подобное негласное сотрудничество, поскольку оно приносило ощутимые плоды: у каждого человека, работающего в системе Крымова, внешне вальяжного и легкомысленного

бонвивана, любящего комфорт во всем – начиная с одежды и квартиры и кончая необременительными любовницами, был свой интерес, и еще ни разу не было случая, чтобы кто-то из солидной цепочки штатных и внештатных сотрудников агентства был обижен гонораром или обделен уважением. Деньги выплачивались за конкретно проведенную работу, и все знали, что за внешней бесшабашностью Крымова скрывается педантичный, считающий каждую копейку человек, поэтому рассчитывать на легкий хлеб никому не приходилось. Агенты тряслись на холоде и ветру, выслеживая объекты, оттапывали ноги, гоняясь чуть ли не за призраками, опрашивали огромное количество людей, устраивали засады, зарабатывая себе ревматизм и воспаление легких под дождем или в крутую метель, но знали, за что они терпят все это, а потому не жаловались. Если же речь шла о штатных сотрудниках уголовного розыска и прокуратуры, то здесь, помимо денег, был важен сам результат расследования, поскольку благодаря тому, что убийца или виновный в серьезном преступлении человек оказывался пойманным, – на погонах появлялись новые звездочки.

– Ты меня не слушаешь, я смотрю... – Крымов очнулся и тронул Юлю за руку. – Проснись, очнись... Куда это ты всемотришь?

Юля провела ладонью по влажному лбу и улыбнулась:

– Женья, по-моему, я влюбилась во-он в того пианиста... Он просто чудо что за музыкант... Глядя на него, чувствуешь себя ущербной, неполноценной, честное слово... Он с такой легкостью колдует у рояля, словно инструмент – часть его тела... А как он красив!

– Послушай, Земцова, тебе не кажется, что ты ведешь себя по-хамски... Тебя приглашают в ресторан...

– Крымов, не мешай мне слушать музыку, не то я сейчас же уйду... Запомни, Женья, самое худшее, что только может случиться в отношениях между мужчиной и женщиной, – это чувство собственности. Я не твоя собственность, и будешь ко мне приставать, я действительно уйду в адвокатуру, а то и вовсе выйду замуж...

– Ты ненормальная, тебя тянет то на стариков, каким был Ломов... – Юля вздохнула: он был прав, имея в виду министра экономики области Ломова, за которого она чуть было не вышла замуж. – А теперь тебя потянуло на малолеток...

– Если ты считаешь, что пианист – малолетка, то кто же в таком случае я? Мы с ним примерно одного возраста, просто он очень худ, но зато как импозантен!

– А что Шонин? – Крымов решил уйти от греха подальше и переменить тему разговора. Уж лучше говорить о деле, чем об этом пианисте. – Он не хочет, чтобы мы снова взялись за его дело?

– Не знаю... Ведь Инны-то все равно не вернешь... К тому же, согласишься, в поезде у него было предостаточно времени, чтобы поговорить со мной на эту тему. Ведь не каждый же день встречаешь частных детективов?

– Но мне что-то не очень верится, что он приехал сюда, в нашу тмутаракань, только лишь для того, чтобы помянуть сестру... Деловые люди так не поступают.

– А мы можем проверить.

Она поймала себя на том, что к ней постепенно возвращается та самая страсть, которой она была охвачена целый год и благодаря которой так неумоимо вела расследования. Страсть профессионала сродни охотничьему азарту, но в чем-то и больше, выше ее. Юля не могла определить ее словами.

После фиаско, какое она потерпела, будучи адвокатом и защищая Зименкова, который, кстати, как оказалось, никого и не убивал, она пришла работать к Крымову и первое время мучилась. Мучилась оттого, что надо было во всем подчиняться Крымову. Но что больше всего ее раздражало, так это постоянные отчеты о проделанной работе и, главное, о количестве потраченного бензина, вернее, денег на бензин. Мало того, что она нещадно эксплуатировала свой старенький «Форд», постоянно ремонтируя его за свой счет и тратясь на покупку

запчастей, так еще, видите ли, бензина у нее уходит много... А попробуй преследовать убийцу, который загубил не одну душу, и при этом думать об экономии бензина?

Но теперь многое изменилось в отношении Крымова к Земцовой как к работнику частного сыскного агентства: ей купили новый «Форд» (она сама настояла на своей любимой марке) и больше не ограничивали в средствах. Крымов знал, что делал: именно благодаря Юле Земцовой агентство процветало, поскольку основную работу подчас приходилось вести именно ей. Крымов подкидывал ей идеи и новые дела, Шубин работал над сбором информации, а Надя поставляла ей все данные из НИЛСЭ, то есть вся судебная экспертиза лежала на ее хрупких плечах. Маленький штат, по горло заваленный работой, трудился до седьмого пота. Только Крымов, похоже, прохлаждался...

* * *

– Так что, ко мне поедem или к тебе? – Крымов, что называется, сдувал пылинки с Юли. Они уже вышли из ресторана и теперь стояли на залитой вечерним янтарным светом улице у одуряюще благоухающего розария, так и не решив пока, куда же им поехать.

– Я бы хотела сегодня побыть одна. – Юля решила на сегодня быть жестокой и хоть немного сбить спесь и самоуверенность с этого типа, которого буквально распирали изнутри самодовольство и уверенность в своей неотразимости.

– Хорошо, я тебя провожу... – Он сделал вид, что не обиделся, взял такси и повез ее домой. – Но поцеловать-то на прощание тебя можно?

– Конечно... – Она, закрыв глаза, поцеловала Крымова в губы и едва сдержалась, чтобы не продлить поцелуй до утра. – Спасибо тебе за вечер, все было чудесно, но сегодня мне надо побыть одной... Я немного устала...

– Нет вопросов... – Голос у него все-таки дрогнул, и она поняла, что он непременно отомстит ей за идиотское положение, в котором неожиданно оказался. – Спокойной ночи...

– Спокойной ночи...

Она вышла из машины, и через секунду такси уже исчезло, словно растворилось в воздухе. И Юлю сразу же охватило чувство, словно она сделала что-то нехорошее, совершила чуть ли не предательство. Возможно, именно в этом и заключался талант Крымова-обольстителя: заставить женщину постоянно чувствовать себя обязанной ему...

Она поднялась к себе на этаж, открыла дверь и оказалась в квартире. Благодаря кондиционеру у нее было как-то благоуханно и свежо. Автоответчик мигал красным глазком, подзывая ее к телефону.

– Юля, добрый вечер. Это Олег Шонин. Позвоните мне, пожалуйста, – услышала она спокойный, хотя и немного грустный голос.

Она вспомнила его карие глаза, покрытые рыжим пухом, загорелые (в Испании!) руки и плечи – в купе было жарко, и Олег все время сидел в белых шортах, позволяющих соседке по купе рассматривать его длинные стройные ноги, тонкие и мускулистые, опять же переливающиеся золотой шелковой шерсткой. Почему-то запомнились и его толстые розовые губы, за которыми скрывались хорошие ровные зубы. Этот красивый мужчина, с копной медных вьющихся волос на голове, был создан для размеренной жизни, для красивых женщин и расточительных улыбок... Но Юля встретила его в один из самых печальных моментов его жизни – Олег постоянно говорил о своей сестре – быть может, поэтому у нее и не возникло к нему и толики того чувства, которое зовется женским любопытством. Он сам своим поведением и разговорами сделал все возможное, чтобы она не заинтересовалась им как мужчиной. И хотя она еще в прошлом году решила для себя, что ограничится редкими свиданиями с Крымовым и не станет заводить новых романов, а уж тем более не станет воспринимать каждого встречного мужчину как потенциального мужа, каждую свою встречу с привлекательным мужчиной

она все равно оценивала с точки зрения перспективы на брак. И ужасно злилась на себя из-за этого. А свою досаду на одиночество и невозможность, как многие молодые женщины ее возраста, жить в семье вымещала на бедняге Крымове. Просто любовник – что с него возьмешь?..

Она достала из сумочки блокнот, с которым практически никогда не расставалась, и набрала номер телефона, принадлежавшего раньше, еще только год назад, его девятнадцатилетней сестре Инне. Теперь в квартире, полной личных вещей девушки, бродит ее родной брат и тоскует, страдает от чувства вины – брат не сумел уберечь единственное родное ему существо.

Длинные гудки. Трубку никто не брал. «Ушел, должно быть, хлопчет о поминках...»

Юля подошла к окну, распахнула его и вдохнула в себя немного пахнувший пылью, но уже остывший воздух. Ну и что она теперь будет делать одна в пустой квартире? Зачем было устраивать этот спектакль Крымову? Лежали бы сейчас на кровати, нагие и счастливые. Юля тормозила бы его, не давая уснуть и придумывая всякие новые игры, в которых преуспела за последние месяцы... Или бы отправились на Набережную – понырять с мостков в черную теплую воду...

Она вздохнула и решительно направилась к двери. В конечном счете, еще ничего не потеряно, прошло всего каких-нибудь полчаса, как они расстались. Крымов сейчас дома и тоже, как и она, мается бездельем и одиночеством. Возможно даже, что у него в холодильнике стоит кальвадос или мартини, который он почему-то упрямо зовет вермутом...

Минута-другая, и Юля поймала возле дома летящее мимо такси. Назвала адрес. Еще несколько минут, и она уже входила в подъезд, здоровалась с консьержкой, которая знала ее в лицо и всегда приветливо улыбалась.

– Лифт не работает, – донеслось вдруг до нее, и она, свернув влево, стала подниматься по ступенькам вверх. Один лестничный пролет, другой... Сердце готово выпрыгнуть от непонятно откуда взявшейся тревоги... Впереди нее тоже кто-то поднимался, но потом цоканье каблучков стихло, а Юля между тем продолжала подниматься вверх. Первое, что она увидела, это длинные стройные ноги, заканчивающиеся черными газовыми прозрачными оборками вокруг бедер. Затем шла открытая узкая спина, затылок и легкомысленный светлый «конский» хвост, украшенный черной бархатной лентой с блестками. Девушка стояла и припудривала носик, чуть ли не прислонясь к трубе мусоропровода. Однако, увидев приближающуюся к ней Юлю, девица, вильнув бедрами, так с пудреницей в одной руке и сумочкой, напоминающей засахаренный финик, в другой довольно энергично, но и легко поднялась еще на один пролет и замерла как раз перед дверью Крымова. Юля, увидев, как девица жмет пальчиком на кнопку крымковского звонка, покрылась испариной.

– Женья, это пришла я, твое насекомое... – донеслось до Юли, и она, уже не в силах остановиться, продолжила свое восхождение, чтобы, очевидно, создать видимость того, что ей *не на этот этаж*, а выше, значительно выше...

Она не знала, сколько времени простояла возле шахты лифта, ожидая неизвестно чего, пока не решилась все-таки спуститься вниз. Она слышала, как Крымов открывал дверь, как что-то воскликнул по поводу прихода «своего насекомого», но вот видел ли он ее, поднимающуюся по лестнице с каменным лицом?..

Она вернулась домой за полночь. Бродила вокруг дома, стараясь научиться управлять своими слезами. Слова «мерзавец», «негодяй» первые минуты просто не сходили у нее с языка, но потом, решив, что она сама во всем виновата и что Крымову не привыкать вызывать к себе женщин одним-единственным звонком, немного успокоилась и вошла в подъезд. В отличие от крымковского дома у них не было консьержки, а потому ей никто не улыбнулся. Лифт тоже в столь позднее время не работал. Она поднялась к себе на этаж и вдруг вскрикнула, увидев метнувшуюся в сторону лифта тень.

– Извините, я вас испугал?

Это был Олег Шонин. Юля почувствовала, что голос изменил ей. Она по-настоящему испугалась. За своими личными переживаниями она совершенно потеряла бдительность, столь необходимую в ее положении. Ведь у нее в городе сотни врагов, причем *прямых, непосредственных*, которые могут ей отомстить за брата, отца, сына... Через ее руки прошло не так уж и мало преступников, которые теперь томились в тюрьмах и колониях, недоумевая, как же могло случиться, что по прошествии стольких лет их имена стали достоянием общественности... Полузабытые убийства, которыми занималось в последнее время агентство Крымова, «кололись» как орехи... И немалая заслуга в этом принадлежала Юле.

– Конечно, испугали, – призналась она, доставая дрожащей рукой из сумочки ключи и отпирая квартиру. – И давно вы меня ждете?

– Вы так это говорите, словно и не удивились моему появлению, тому, что я поджидаю вас на лестничной клетке... – Олег был уже не в белых шортах, а в светлых хлопковых брюках и белой рубашке с короткими рукавами. Еще элегантнее и сдержаннее.

– Если бы вы только знали, сколько людей меня здесь частенько поджидает... Когда случается несчастье, то можно пробыть на лестнице хоть сутки, хоть двое, лишь бы появилась надежда... Вы понимаете, о чем я?

– Конечно. Но я пришел к вам без особых надежд. Просто так. Подумал, может, вы помогли бы мне с поминками? У меня же здесь никого нет...

– А почему же с вами не поехала ваша жена?

– Не захотела. Она не такая сентиментальная, как я. Ее интересуют живые люди. Она занята детьми, и ее, похоже, больше ничего на свете не волнует...

– Странно. Проходите... Такая жара на улице, но у меня прохладно... Что-нибудь выпьете?

– На ночь? Нет, что вы...

– Вы меня не поняли, – Юля достала из холодильника бутылку с холодным лимонным соком и, не дожидаясь ответа, наполнила два высоких бокала. – Просто мне пить хочется, вот я и подумала...

– Юля! – вдруг произнес Олег как-то громко и резко. – Оставьте свой сок... Не будьте хотя бы вы такой же, как моя жена... Неужели вы не можете себе представить, каково мне сейчас... Я целый день маюсь в *ее* квартире, рассматриваю *ее* вещи... Да я просто схожу с ума... Вы мне можете не поверить, но Инна была для меня самым дорогим человеком, самым близким... Ведь я практически воспитал ее. Я места себе не нахожу, во мне все кипит... Вы не смотрите, что я внешне такой спокойный, вы меня просто не знаете... Поймите, я *должен* найти того, кто это сделал... Это *мое дело*, и теперь, когда у меня есть деньги, я не могу бездействовать. Назовите свою цену – и найдите убийцу моей сестры. Сколько бы это ни стоило.

– Значит, вы не успокоились... – Она все же протянула ему бокал с соком. – Выпейте, сядьте и успокойтесь. Возможно, вы приехали сюда не напрасно...

Он поднял голову, и брови его взлетели вверх.

– Вы все сетовали в поезде на то, что не успели поговорить с ее парнем, Захаром, так? Ведь он же постоянно прятался от вас, скрывался...

– Конечно... Он боится меня, потому что чувствует и свою вину... Пусть только косвенную, но все равно. Если бы его чувства к Инне были чистые, если бы он действительно ее любил, разве стал бы он избегать меня? Пусть даже у него алиби, все равно, это выглядело не по-людски... И что вы хотели сказать? Вы предлагаете все-таки с ним встретиться?

– Боюсь, что это теперь невозможно. Его убили, представьте, вчера. Кто-то зарубил его топором в собственной квартире, – повторила она слова Крымова. – Вот я и подумала, уж не связаны ли эти два убийства? Знаете, как это бывает: убивают свидетелей... На мой взгляд, это самые чудовищные преступления, когда людей убивают только за то, что они что-то или кого-то увидели... Можно понять убийство из ревности или ненависти, мести...

– Убили? Какой кошмар... Господи... Вы только что разрушили мою последнюю надежду... Ведь я ехал сюда в основном из-за того, чтобы встретиться с этим Захаром и узнать у него о последних днях Инны...

– Долго же вы собирались... Если честно, если бы я не ехала с вами в одном купе, то вполне могла бы предположить, что это убийство вам безразлично.

– Господи! Только не это. Так вы возьметесь за дело сестры?

– И почему вы не обратились к нам сразу?.. – не смогла сдержать своих эмоций Юля. – Столько времени потеряно... А что касается конкретно моего вам ответа, то я не могу решать все сама. Давайте сделаем так: я переговорю завтра утром с Крымовым и позвоню вам. Или же сделаем проще: вы сами подходите завтра с утра в агентство, оно находится на Абрамовской улице, вам всякий покажет... К девяти сможете?

– Конечно. Но я бы хотел знать, сколько я должен принести с собой денег?

Она назвала сумму, вдвое большую, чем они обычно берут за подобные дела, рассудив, что Крымов, увидев Олега, сам удвоит или утроит ее. У Крымова нюх на богатых людей, и уж здесь-то он своего не упустит. Юля вдруг подумала, что ненавидит Крымова – этот тип только и делает, что считает деньги да придирается к ней на работе...

– Хорошо. Меня это вполне устраивает. Но все же мне не хотелось бы иметь дело с вашим Крымовым. Лучше лично с вами. Возьмитесь за это дело частным образом и все денежные дела улаживайте с Крымовым самостоятельно. Это мое условие. Я не знаю Крымова, а потому не доверяю ему. Дело-то сложное...

– Договоримся сразу: никто – ни я, ни Крымов – не может вам дать никаких гарантий...

– Я понимаю. Ну так как, беретесь?

– Берусь.

«Я передам Крымову ваши условия», – хотела добавить она, но передумала. Сейчас появятся новые дела, и под их прикрытием можно будет собирать информацию на Шонину. От этой мысли ей стало необыкновенно легко, и она даже пожалела, что до утра еще так далеко, ей хотелось бы начать действовать прямо сейчас...

Шонин ушел, пообещав заехать к ней с деньгами в восемь утра.

Юля выпила еще один бокал соку и, полежав немного в прохладной ванне, легла спать.

17 июля

Ровно в восемь, когда она собиралась уже выходить из дома, пришел Олег.

– Я подумал, что вам могут понадобиться ключи от ее квартиры. Вот, держите. А я еду в гостиницу, не могу я больше там оставаться, меня мучают кошмары... Мне постоянно мерещится запах ее духов, слышатся ее шаги и даже голос... Так же можно и с ума сойти...

– А как же поминки?

– Поеду сегодня в кафе договариваться, обзвоню всех знакомых, подружек... А это, – он достал из кармана конверт, – деньги. Здесь ровно десять тысяч. Если понадобится еще – звоните. Может, вам нужна машина, так я договорюсь с одним человеком...

– Нет, машина у меня есть, и я даже могу вас сейчас подвезти до вашего кафе...

Гараж находился прямо за домом. Олег, увидев новенький белый «Форд», первый раз за все время их знакомства с Юлей улыбнулся.

– Представляю, с каким удовольствием вы летаете на своей белой птице... Мне и самому сейчас не хватает машины, привык, чего там... Для меня техника – это все...

Он так по-мальчишески это сказал, так мило и по-свойски, что Юле стало даже не по себе. Она не видела в нем коммерсанта, клиента, теперь перед ней был человек, который обратился к ней за помощью. А она возьмет с него деньги... Нравственно ли это? Но, с другой стороны, без денег она и с места не сдвинется. И пусть даже Инны Шониной уже давно нет в живых, она

должна приложить все силы к тому, чтобы найти убийцу, найти этого зверя, который сжег ее... Подробности она узнала от патологоанатома Леша Чайкина, с которым в последнее время плодотворно сотрудничала и без которого не обходилось ни одно криминальное дело. Девушку, судя по состоянию ее платья и сорочки, найденных на берегу пруда в районе Затона, сначала избили, а потом привели или отнесли на холм неподалеку от пруда, привязали к самодельному деревянному кресту и, облив бензином, подожгли. Была ли она изнасилована, определить было крайне сложно, поскольку тело сильно обгорело. Однако ряд анализов, которые провел Чайкин, не подтвердили наличие спермы во влагалище потерпевшей... Не исключалось также и то, что она могла быть сожжена заживо, поскольку ее лицо, вернее, та страшная обуглившаяся маска, в которую превратилось ее лицо, сохранила выражение ужаса, а рот был широко открыт, словно девушка кричала перед тем, как ее сердце остановилось...

– Меня преследует запах горелого... – проронил Олег Шонин, когда Юля притормозила возле кафе «Арлекино» и настал момент расставания.

– Звоните мне в любое время дня или ночи и домой, и в агентство. Оставляйте сообщения на автоответчике, звоните, кстати, и по сотовому, я вам дала все номера телефонов... Но я не могу вам обещать, что мне не будут помогать мои друзья, в том числе и Крымов...

– Хорошо, спасибо... – Он одарил ее печальной улыбкой и не спеша вышел из машины.

Юля же, дождавшись, когда он скроется за стеклянными дверями кафе, поехала к себе на Абрамовскую.

Надя встретила ее немного растерянной улыбкой и сразу же, едва Юля переступила порог приемной, приложила палец к губам.

– Крымов что-то не в духах... Кроме того, у него посетительница... Ищет дочь.

– Фамилия? – Юля, разочарованная столь будничной встречей, села в кресло и внимательно посмотрела на Надю, пытаясь, с одной стороны, определить, в каком эмоциональном состоянии та находится, с другой – действительно ли ей не рады или просто накопилось много работы.

– Что «фамилия»? – не поняла Надя и тотчас закурила. – Ты, наверно, хочешь меня спросить, что со мной и почему я не улыбаюсь, не шучу и не радуюсь твоему возвращению из... – Не договорив, Щукина разрыдалась, и ее и без того некрасивое конопатое лицо покраснело, а по щекам потекли слезы. – Я и сама не знаю, что со мной... Нервничаю по каждому пустяку, реву, а когда в приемную входит Крымов, дрожу как осиновый лист... Нервы ни к черту, распались... Ты извини, Юлечка, что я даже не предложила тебе кофе, у меня в голове каша такая...

– Тебя что, Чайкин бросил? – Юля знала об их романе с Лешей Чайкиным.

– Да нет, у нас все нормально, он успокаивает меня и говорит, что мне просто надо отдохнуть...

– Ну так и отдохни! Какие проблемы-то?

– Меня Крымов не отпускает. Говорит, дел много. Он Игорька совсем загнал, тот из командировок не вылезает: то в Москву, то в Питер... Вот и сейчас его нет. Штат свой Крымов расширять не хочет, чтобы лишние деньги людям не платить, все взваливает на нас, а сам... сам... Убила бы его, честное слово...

– Да, мать, что-то ты совсем расхандрилась. Надо бы тебя в люди вывести, дать тебе почувствовать себя настоящим человеком. Обещаешь мне, что проведешь сегодняшний вечер со мной?

– С тобой? А как же Чайкин?

– Объяснишь ему, что будешь со мной, а если он не поверит...

– Да поверит, поверит, куда он денется... А что ты придумала? – Слезы у Нади высохли на глазах, а на лице появилось нечто наподобие улыбки.

– Это сюрприз. Мы с тобой сходим в одно чудное место... А теперь высморкайся и скажи мне фамилию посетительницы.

– Орешина Галина Викторовна, директор картонажной фабрики. Ее дочь пропала пару дней назад. В милиции, как это обычно и бывает, сказали, что искать еще рано... Но Орешина говорит, что ее дочь не может не прийти ночевать домой, не так воспитана...

Дверь кабинета распахнулась, и на пороге возник мрачный Крымов.

– Пришла? Вот и отлично. Зайди ко мне...

Юля поднялась и вошла в кабинет, где увидела сидящую на самом краешке кресла маленькую женщину в строгом светлом костюме. Услышав шаги, женщина тотчас повернулась, и Юля увидела обращенное к ней заплаканное, опухшее лицо.

– Значит, так, – говорил Крымов с неменяющимся выражением лица, – Таня Орешина, восемнадцать лет, вышла из дома четырнадцатого июля и не вернулась. Сказала, что поедет по магазинам... Никто из подружек ее не видел. Вот здесь я записал, во что она была одета, приметы, здесь же в папке фотографии и все необходимые данные... Займитесь, Юля. Если у вас есть какие-то вопросы к матери Тани, Галине Викторовне, можете пройти в ваш кабинет и поговорить...

Галина Викторовна после этих слов вскочила с кресла как ужаленная и, понимая, что разговор с Крымовым окончен, пошла, спотыкаясь на непослушных от волнения ногах, за Юлей.

– Девушка, вас, кажется, Юлей зовут? – обратилась Орешина к Юле, когда они оказались в кабинете, на двери которой поблескивала медью табличка «Земцова Ю. А.». – Умоляю вас, помогите мне найти Танечку... Она у нас единственная дочь... Она не могла, понимаете, *не могла* не позвонить и не сказать, что задержится или что-нибудь в этом духе... Я обежала всех ее подружек – ее никто в этот день не видел. Вы понимаете, она у нас весь год болела, запустила учебу, и поэтому мы решили, что она в этом году поступать не будет...

– Во сколько же лет она пошла в школу?

– С восьми мы ее отдали. Понимаете, у нее больные почки... – голос Орешиной дрожал, а из глаз непрестанно лились слезы, – и еще куча всяких болезней... Хотя внешне она выглядит вполне здоровой. Мы ее постоянно лечим, возим на море... Вот, посмотрите... – Галина Викторовна вытряхнула непослушными руками из синей папки несколько фотографий, с которых на Юлю взглянуло совсем юное создание, черноволосое, худенькое, с одухотворенным милым личиком и беззаботной улыбкой.

– Какая чудесная улыбка... – Юля сразу же сунула одну фотографию себе в стол, чтобы потом отдать на размножение Щукиной.

– Да, у нее хорошая улыбка... Она никогда не чувствует себя больной, все смеется, шутит... Она, конечно, наивная, чего уж там... Но знает, что мужчинам верить нельзя... Это я к тому, что если вдруг... – И она снова заплакала.

– Главное сейчас для меня – список ее подружек и возможность осмотреть ее комнату. И, если вас не затруднит, опишите мне еще раз вы, лично, во что она была одета.

– Хорошо... – Орешина шумно высморкалась и попыталась собраться с мыслями. – На ней четырнадцатого июля были светлые такие... кремового цвета шорты, красная маечка без рукавов и коричневые итальянские сандалии. На шее – цепочка... золотая, с кулоном в форме сердечка и крохотным рубином посередине. Еще она была в очках, таких дорогих, солнцезащитных... Они очень ей шли... – Женщина вновь закрыла лицо руками, и Юля подумала, что материнское сердце подсказывает ей, что с дочерью случилась беда.

– Скажите, Таня – девочка контактная? Общительная?

– Обыкновенная. В транспорте с посторонними вряд ли заговорит, а вот с подружками может говорить часами...

– Во сколько она вышла из дома?

– Да утром! В десять часов, она хотела пройтись по магазинам и купить себе пляжную шляпу и тапочки...

Юля задавала ей вопросы довольно долго, пока не поняла: все, что только можно было спросить у несчастной матери, уже спросила. Оставалось одно – действовать: опрашивать подружек Тани, обойти все центральные магазины города, в которых Таня предпочитала делать покупки, а вечером зайти к Орешиним домой и осмотреть комнату девочки.

Когда Орешина выходила из кабинета, Юле показалось, что та стала еще меньше ростом, ну просто девочка со спины... Таня же, ее дочь, была довольно высокой, хотя и хрупкой.

Когда Юля вернулась в приемную, Надя выглядела уже более спокойной, она деловито резала ветчину для бутербродов.

– Я вижу, тебе полегчало? А меня вот загрузили работой. Угостишь бутербродиком?

– Если не боишься испортить свою шикарную фигуру – пожалуйста.

– Нет, не боюсь... Тем более что не вижу на горизонте мужчину, ради которого стоило бы лишать себя радостей жизни.

– Ну и правильно. С чего начнешь? – Надя уже имела в виду работу.

– Понимаешь, в чем дело... Я только что, можно сказать, приехала, отсутствовала целый месяц. Для начала, как мне думается, стоит встретиться с Сазоновым, угостить его холодным пивком и расспросить, какова обстановка в городе в целом... Ты меня понимаешь?

– Да ты меня спроси – я тебе много чего расскажу... Я же в отличие от некоторых газеты читаю. Кроме того, у меня любовник – судмедэксперт, который каждый день потрошит молодых девушек... Вот уж действительно кто Джек-Потрошитель...

– Ты ему позвони, предупреди о моем возможном приходе, а я сначала навещу все-таки Сазонова. Крымов, кстати, где?

– Не знаю, умчался куда-то на машине.

– А ты не знаешь, он деньги с Орешинкой взял?

– Как не взять. Они ему сейчас по горло нужны – сегодня какое число?

– Семнадцатое, а что?

– А то, что пора платить за аренду, свет... короче, платить по счетам... Юля, у меня к тебе будет просьба...

– Слушаю тебя, Надя, – отвечала Юля с набитым ртом и улыбаясь, уже заранее зная, о чем ее попросит Щукина. – Хочешь попросить меня не спаивать твоего Чайкина? Пожалуйста, но тогда подскажи, что ему, кроме водки и «Таллинской» колбасы, принести?

– Да ничего не неси, он тебе и так все расскажет как на духу...

– Считай, что уговорила. Тем более – экономия-то какая...

И, только выходя из агентства, она вспомнила, что никому не сказала о новом клиенте, об Олеге Шонине, и тех деньгах, которые он ей дал. И, главное, о том условии, которое он ей поставил. «Частное расследование... Не очень-то развернешься при Крымове и его финансовой политике...»

Глава 2

Сазонов, вытирая большим клетчатым платком свою яйцеобразную голову, покрытую слипшимися от пота светлыми редкими волосенками, встретил Земцову громким похлопыванием ладонями, что означало: входи, я тебе жутко рад. Настроение Петра Васильевича менялось по сто раз за сутки, а потому у Юли от сердца отлегло, когда она поняла, что застала старшего инспектора уголовного розыска в хорошем расположении духа.

– Я знаю, что вы на работе не пьете, но здесь за углом продают ледяную «Балтику»... – С этими словами Юля достала из пакета две запотевшие коричневые, с позолоченными ярлыками, бутылки с пивом и поставила их прямо перед разморенным от жары Сазоновым.

– Я не пью, это верно, но в такую жару отказаться от холоденького пивка – преступление, честное слово... – И не прошло минуты, как он, достав из ящика стола ключ, открыл обе бутылки и с наслаждением опустошил их. После чего вытер пену с губ, шумно и с удовольствием выдохнул и откинулся на спинку стула. – Ну ублажила так ублажила... Ты ко мне по делу или просто так, навестить старика?

– Не прибедайтесь. Тоже мне – в старики записались... Что же касается моего прихода – и по делу, и не по делу. Просто давно дома не была, хотела узнать, что здесь происходит и не знаете ли вы причину плохого настроения Крымова...

Она лукавила, вспоминая Крымова, но надеялась хотя бы через Сазонова узнать имя его новой пассии. Было в этом, конечно, что-то мазохистское, но желание узнать было сильнее рассудка.

– Ой, хитришь ты, Земцова, – раскусил ее Сазонов и загоготал, похлопывая себя по уродливому небольшому, но все же выпирающему животу, – хочешь узнать у меня, с кем все это время, пока тебя не было, кружился твой начальник? Не скажу, хоть веревки из меня вей. Разве что в знак благодарности за пиво...

И Юля подумала вдруг, как же пошло складываются у нее отношения – и с Крымовым, и с Сазоновым, и с Чайкиным, просто хоть волком вой. Какие-то идиотские разговоры на вольные темы, подношения в виде холодного пива или водки с «Таллинской» колбасой, взятки, помимо оговоренных Крымовым гонораров... Пошло, гадко и пошло... И все откуда-то знают об их отношениях с Крымовым. Знают и злорадствуют, когда видят, как он разбавляет свою вольную жизнь новыми встречами с женщинами, как он легко меняет их и как спокойно, без угрызений совести смотрит потом ей, Юлии Земцовой, в глаза... И кто в этом виноват? Только она. Нечего было допускать его до себя. И нечего было оправдывать свое желание провести с ним ночь нервными стрессами и ночными страхами... Она ненавидела себя в эту минуту... И думала только о Крымове, пока голос Сазонова не вернул ее в реальность, и тогда она уже с благодарностью внимала каждому произнесенному им слову...

– Обнаружено за один только месяц три утопленницы... И все три сброшены в разные водоемы уже мертвыми со следами сильных побоев, – говорил Петр Васильевич уже сухим серьезным тоном, озабоченно потирая ладонью подбородок. – И вот такая закономерность: все три чуть ли не «синюшки»... Какие-то беспризорные, одна – мелкая вокзальная шлюшка, другая – уборщица из магазина, а третья – безработная, без определенного места жительства... Первые две хотя бы в коммуналках жили, причем койки снимали у пенсионерок, правда, в разных концах города, а вот третья...

– У них что, и родственников не было?

– Лучше бы уж не было ентих родственников... Не могли дожидаться, пока они явятся в морг для опознания – вот такая родня...

– А как вообще устанавливаются личности таких вот, никому не нужных потерпевших?

– Разными способами. Даются фотографии трупов в газеты, расклеиваются объявления, находятся какие-то документы неподалеку от того места, где обнаружили тело... Знаешь, Земцова, я склонен думать, что это дело рук серийного убийцы... Он явно садист, но не сексуального плана, а другого, еще более изуверского... Девушки – а все три молодые, до двадцати лет, – буквально избиты, особенно разбиты лица...

– Изнасилованы?

– Говорю же: нет! Мои ребята сейчас работают в этом направлении и уже успели кое-что узнать... Так вот, и Лукашина, и Петрова, и Зеленцова, несмотря на свой непутевый образ жизни, еще ни разу не были замечены в драках. Больше того, ни у одной из них в последнее время не было мужчины, я имею в виду ни любовника, ни сожителя, словом, никого...

– Петр Васильевич, но ведь и в прошлом году, примерно в это же время были обнаружены две избитые девушки? Помните, у одной так вообще был выбит глаз? И тоже бездомная и безработная, молодая алкоголичка, лет восемнадцати?

– О чем и речь... Поэтому-то я и говорю тебе о серийном убийце. Видать, у него активность проявляется в жару... Вот только непонятно, почему у него склонность к таким... грязным женщинам, да и вообще, можно ли это назвать склонностью к женщине, если он не насиловал их, а просто избивает?..

– А где, в каких водоемах были найдены трупы этих девушек?

– Все за городом, одну нашли в сточной канаве, другую – на Гуселке, а третью – в Затоне...

– В Затоне?

– Ну да...

– Девушки были в одежде?

– В одежде, в обычной...

Хотела она спросить у Сазонова про убитого Захара Оленина, но, посчитав, что и так много чего от него услышала, поспешила распрощаться и уйти. А через полчаса она уже припарковывала машину к бордюру университетского дворика, в котором располагался морг, где работал Леша Чайкин. На этот раз Юля припасла для него буженину и копченую курицу. И сколько бы раз Надя ни предупреждала ее о том, что Леше неудобно принимать от нее такого рода подношения, Юля твердо знала, что Леше, этому вечному труженику и вечно голодному принципиальному холостяку, никакие супчики и котлетки, приготовленные Надей, не заменят грубой, опять же холостяцкой еды, такой, как «Таллинская», его любимая, колбаска, копченая свинина, свежий батон или кулинарный рубец с черным перцем, которые он уплетет за милую душу прямо у себя в предбаннике в обществе выпотрошенных покойников – и даже не поморщится... Знала она также и то, что так уж повелось, является она к нему не с пустыми руками, и менять эту традицию невозможно, иначе она будет чувствовать себя обязанной Чайкину, а это не входило в ее правила.

– Привет, – сказала она с порога, открывая тяжелую дверь морга и сталкиваясь лицом к лицу с патологоанатомом, от которого почему-то несло какими-то дешевыми женскими духами, сладкими, с пошло-цветочным ароматом. – Это куда ты решил смыться от своих жмуриков?

– Земцова!

Коротко подстриженный, в светлом хлопчатобумажном летнем костюме, высокий, костлявый, носатый и кадыкастый, смешной Чайкин, что называется, решил показать себя белому свету, но, увидев и солнце на дворе, и Юлю на пороге, аж зажмурился, захлебнулся в радостном крике.

– Ну Земцова! Сколько лет, сколько зим! Если бы ты только знала, как я по тебе соскучился! Проходи, я тебя познакомлю со своими новыми, свежими клиентами и клиентками...

– Ты же, кажется, уходишь...

И тут она поймала его взгляд и расхохоталась: он смотрел на прозрачный пластиковый пакет, который она держала в руках и сквозь который просвечивал розоватый свиной бок и куриная золотистая ножка...

– Вот теперь-то я уж никуда не уйду, это точно... Послушай, ты скажи Щукиной, чтобы она мне больше не варила свекольник и вермишелевый суп... Я понимаю, конечно, что она старается изо всех сил, чтобы я не заработал себе язву, но это все равно бесполезно... Я конченый человек, Земцова... Ну проходи, чего стоишь? Я уже твой навеки, разве ты этого еще не прочувствовала?

Юле и самой не очень-то хотелось покидать этот солнечно-зеленый рай, называемый летним днем, но в бункере, именуемом леденящим и мрачным словом «морг», выложенном изнутри полуоблупившейся плиткой, на холодных, обитых жестью столах лежали те, вернее, останки тех, кто даже теперь мог дать ей важную для нее информацию.

Она легко перешагнула барьер, разделявший жизнь и смерть, и, оказавшись в ставшей за месяц непривычной для нее обстановке, с ужасом вдохнула в себя тяжелый воздух бункера...

– Знаешь, я чувствую себя прямо-таки преступницей, что помешала тебе выйти на свежий воздух... Так куда ты шел?

Но Чайкин с присущим ему проворством уже утопил кипятильник в банку и теперь с рассеянно-озабоченным видом принялся шарить на полке с книгами по судебно-медицинской экспертизе в поисках, как догадалась Юля, пачки чая или банки с кофе. Но все пачки были пустые, банки – тоже.

– Леш, не суетись, давай немного посидим-поговорим... Меня интересуют Лукашина, Зеленцова и Петрова. Они еще у тебя?

– А где ж им быть-то? Что-то их не торопятся забирать, думаю, что я похороню этих красоток за свой счет... Так ведь и без штанов можно остаться...

«Он родился циником», – подумала Юля, поднимаясь со стула и молча следуя за шагающим в глубь коридора Чайкиным: он вел ее показывать интересующих ее «личностей».

Сначала пахло холодом, затем вспыхнул свет, и Юля обнаружила себя в небольшой комнатке-холодильнике. Тусклый желтый полукруг освещал стеллаж с прямоугольными большими ящиками с массивными металлическими ручками, за которые Леша брался привычным движением, чтобы выкатить что-то наподобие лежака с телом.

Юля увидела расположенных на разных уровнях стеллажа мертвых женщин, чьи разбитые лица не могли не вызвать неподдельного ужаса, и она содрогнулась, внезапно ощутив нечто напоминающее боль...

– Все, что можно было, – им отбили... Непонятно, что такого могли натворить эти несчастные, за что их можно было так отделать. Могу сказать определенно, что, когда их бросали в реку там или пруд, они были уже почти трупы... У одной отбиты полностью почки, у всех сломаны ребра, у Лукашиной так вообще свернута челюсть, а у Зеленцовой смотри что сделали с носом... Но больше всего, заметь, досталось внутренним органам, не женщины – а отбивные котлеты... Про сотрясение мозга я уж вообще молчу, хотя открытых черепно-мозговых травм нет... Какое зверство!

Юля отметила, что Чайкин, обычно относящийся к своим «клиентам» более философски или даже абстрагированно, поскольку пропускать через свой мозг и душу все страдания, выпавшие на долю покойных, означало бы расписаться в своем непрофессионализме и заработать себе хроническое психическое заболевание, – даже циник и балагур Чайкин и то не смог остаться равнодушным к этому ужасающему проявлению садизма.

– Ты сказал, что женщины были *почти трупы*. Это как?

– Каждая из них могла скончаться от полученных травм...

– Ты хочешь сказать, что если бы их все же в таком состоянии доставили в больницу, то их можно было бы спасти?

– Гарантировать я, понятное дело, ничего такого не могу, но и исключать тоже нельзя... В принципе, женщины-то молодые, хотя у всех троих проблемы с печенью...

– То есть с алкоголем?

– Да уж, праведницами их назвать трудно... Но все равно жаль, честное слово...

– Скажи, Леша, они были изнасилованы?

– Нет. Больше того, ни одна из них перед смертью, во всяком случае в течение суток, а то и двух, не имела контакта с мужчиной.

– И последнее: по характеру нанесенных ударов и травм можно сказать, что женщины были избиты одними и теми же приемами?

– О нет, об этом не может быть даже и речи... Их били, судя по всему, как попало и, как бы это поточнее выразиться, *непрофессионально*. Мне даже в голову пришла мысль, что... Хотя ладно, не буду ничего говорить. Это уже не входит в мою компетенцию...

– А может, все-таки скажешь?

– Просто я подумал, может, это дело рук подростков, мальчиков, которые избрали себе объектами для битья вот этих... падших женщин, чтобы потренироваться... Потому что взрослые мужчины бьют обычно в какие-то определенные, «больные» места, чтобы «отключить» свою жертву... А здесь налицо стихийные удары, куда ни попадя, хотя и довольно сильные... Послушай, Земцова, а может, тебе уже что-нибудь известно обо всем этом, а я здесь перед тобой распинаясь?..

– Нет, Леша, мне абсолютно ничего не известно. Просто пропала одна девушка, причем хорошая, в отличие от этих «синюшек», вот я и подумала, что неплохо было бы узнать, чем сегодня дышит наш родной город...

– Ну и как, узнала?

– Лучше бы не знать... Да, кстати, ты не занимался еще Захаром Олениным?

– Ты и про него тоже знаешь? Надо же, и когда ты только все успеваешь? Он у меня в зале сейчас лежит, ждет меня, поджидает... Хочешь взглянуть?

– *Надо* взглянуть... Тем более что им кое-кто заинтересовался...

Чайкин провел Юлю в прохладный полутемный зал – морг находился в полуподвальном помещении – и включил свет. Там на одном из столов лежало тело молодого мужчины. Юля, остановившись перед ним и стараясь не смотреть на лицо, которое сильно потемнело и деформировалось из-за совершенно чудовищной раны на черепе в области темени, идущей к затылку, оценила стройные ноги и торс, принадлежащие не так давно Захару Оленину. Да и прочие его органы говорили о немалых достоинствах...

– Красавчик, – хмыкнул Чайкин, и Юля невольно улыбнулась тону, каким это было сказано. Он явно недолюбливал красивых мужчин, считая их незаслуженно благодетельствованными судьбой в этой жизни. Уверенные супермены, совершенно не мучаясь угрызениями совести, пользовались благосклонностью чужих жен и разрушали чужие семьи; одной из таких была в свое время и *его* семья. Жена Леша Чайкина бросила его, променяв некрасивого и вечно занятого на столь специфичной работе мужа на смазливое и чистенькое преподавателя какого-то техникума.

– Да уж действительно, он был красив... И кому понадобилось раскраивать ему топором голову? Кстати, кто-нибудь приходил по его душу? Я имею в виду родственников или знакомых, друзей, наконец?

– Кажется, должна приехать какая-то женщина, она звонила утром, рыдала в трубку... Но что-то вот не едет...

– Можно, я позвоню от тебя?

Юля быстрым шагом вышла из зала, но, перед тем как взять трубку, вдруг спросила у Чайкина:

– У меня к тебе просьба: все, что касается Оленина, делай в двух экземплярах, хорошо? Один человек приехал, все мечтал с ним поговорить... Мало ли... Особенно меня интересует, что Оленин ел перед смертью, состояние его здоровья, не пил ли, то есть не злоупотреблял ли алкоголем...

Затем она набрала номер телефона Сазонова.

– Петр Васильевич, хотите, чтобы я поработала с вами на Оленина? Можете не отвечать... Так вот, у меня к вам просьба: дайте мне, пожалуйста, ключи от его квартиры и разрешение, пусть даже устное, на посещение... Ваши ребята там ведь уже поработали? Глядишь, я остатки подберу... И еще: я звоню от Леша Чайкина, он говорит, что ему звонила какая-то женщина насчет Оленина, плакала в трубку... Вы не знаете, кто это может быть?

– Знаю. Подружка его, Лена. Она заявила на квартиру вечером, когда тело Оленина уже увезли, а в квартире были мои люди. Так вот эта Лена – кстати, совсем девчонка, – когда она узнала, что Захара убили, устроила настоящую истерику, рыдала, как мне потом рассказывали, навзрыд. Думаю, это она и звонила Чайкину... Но, Юля, зачем тебе Оленин?

Она поняла его вопрос. Он мог бы прозвучать приблизительно так: кто тебя нанял и кто будет оплачивать твою работу? И не ответить на этот вопрос она не имела права, поскольку Сазонов и та оперативная информация, которой он обладал, ей наверняка пригодятся. А за нее нужно будет расплачиваться Крымову, как у них заведено. Поэтому она, продумав хорошенько ответ, сказала с расстановкой, делая ударение на каждом слове:

– Есть человек, который *может* заинтересоваться этим делом. Я могу, конечно, ждать, пока он все же созреет до того, чтобы обратиться официально к нам, но время будет упущено, а у меня появились кое-какие мысли...

– Ты хочешь сказать, что в нашем городе есть человек, которого волнует дело Захара Оленина? Это кто же?

– Олег Шонин. Брат Инны Шониной, убитой ровно год тому назад. Он приехал из Москвы, крупный бизнесмен, вы и сами его знаете...

– Приезжай за ключами... – услышала она и, усмехнувшись, положила трубку.

Леша, который наблюдал за ней в течение всего разговора и который был в курсе сложившейся системы отношений между агентством Крымова и государственными органами, подмигнул Юле.

– Ну что, порядок?

– Порядок будет, когда мы его с тобой наведем... Мне пора, а ты работай... Я вечером позвоню...

– Юль, ты это... не говори Наде, что кормишь меня, она обидится...

Юля пожала плечами: она бы несколько не расстроилась, если бы ее любовника кто-нибудь подкармливал. Да вот только любовника у нее теперь нет.

* * *

В машине, вспоминая почему-то Крымова вместо всех тех кошмарных трупов, которые она только что видела, Юля с грустью призналась себе в том, что она, в сущности, никогда и не любила Крымова. Это *он сам* внушил ей мысль о том, что она в него влюблена. Что в поисках крепкого мужского плеча, на которое ей так хотелось опереться, она потеряла свою внутреннюю свободу и, главное, ту силу, которая позволяла ей долгие годы перед замужеством жить вполне самостоятельной жизнью, не ощущая своей уязвимости. До Крымова ее жизнь мало чем отличалась от жизни в девичестве, и это при том, что она была замужем за Земцовым. Он не стал для нее тем мужем, той крепостью, за спиной которого она ощутила бы в полной мере свою защищенность и, главное, зависимость, причем зависимость приятную, о которой

она так всегда мечтала. Просто в ее жизни появился человек, с которым она вместе завтракала, обедала, ужинала, а потом ложилась в постель...

В кабинете Сазонова она очнулась от своих невеселых мыслей и пришла в себя.

– Олег Шонин... – проговорил, думая о чем-то своем, Петр Васильевич, – ну что ж, Шонин так Шонин...

Почти не глядя, он протянул Юле связку ключей, она поблагодарила его и собралась было уже выйти из кабинета, чтобы не отвлекать его, как вдруг он шумно вздохнул:

– Чую сердцем, не зря он приехал... Знаешь, Земцова, пока тебя не было, а я ждал тебя, не скрою, я постоянно думал о том, зачем к нам в город приехал Шонин... А что, если это *он* сам и убил любовника своей погибшей сестры?

– Да вы что, Петр Васильевич... Как же он мог убить Оленина, если в момент убийства он находился со мной в одном купе?

Сазонов кашлянул в кулак и как-то по-мальчишески улыбнулся, чем вызвал улыбку и у Юли.

– Это же надо – в одном купе! Зато теперь, когда мне стало об этом известно, я начинаю понимать, откуда у тебя уверенность в том, что он может обратиться к вам за помощью...

– Ни о какой уверенности не может быть и речи, – поспешила заверить его Юля, подстраховываясь на случай, если вдруг Шонин передумает и захочет забрать у нее свои деньги. Ведь документа, подтверждающего, что она приняла от него эту сумму, у нее не было, а это снимало с Шонина всякую ответственность. Кроме того, Юля прекрасно знала: когда речь идет о крупных суммах денег, верить никому нельзя. Шонин может переиграть ситуацию еще двадцать раз. Быть может, тоска по сестре, вызванная его пребыванием в ее квартире, толкнула его на этот довольно-таки странный поступок... Ведь все-таки прошел год. Разве можно спустя столько времени найти следы, ведущие к убийце, да еще если учесть при этом, что самый близкий друг Инны Шониной – Захар Оленин убит?

– Вы говорили с ним на эту тему? – Сазонов и не заметил, как начал открыто вести допрос, чем вызвал немалое смущение с отчаянием смотрящей на него Земцовой.

– Петр Васильевич, мы, разумеется, говорили с ним о гибели его сестры, и Шонин высказал желание найти убийцу, но это еще не говорит о том, что он заявится ко мне с минуты на минуту с пачкой денег и наймет меня... Вы понимаете, что я имею в виду?

– Понимаю. Ты хочешь подготовиться к его приходу? – Сазонова так и распырало любопытство. – Хочешь выудить из меня любую информацию, которая может пролить свет на отношения Оленина с Шониной?

– Совершенно верно, – ответила ему Юля, теряя интерес к разговору и ловя себя на мысли, что она вот уже четверть часа как пытается сэкономить деньги Крымова, ведь Шонин заплатил ей, и теперь осталось только провести психологически верную беседу с Крымовым, чтобы объяснить ему, что клиент хочет иметь дело только с ней, с Юлией Земцовой. И как ни ударит это по самолюбию Крымова, он просто вынужден будет согласиться на это, поскольку на его стол ляжет не одна тысяча долларов, реальные деньги, которые можно потрогать, – что может быть важнее для Крымова. Ради денег он позволит ей вести расследование самостоятельно и даже *вынужден* будет помогать ей, давая советы, людей и дешевые талоны на бензин.

– Ну ладно, не буду тебя больше мучить, ты и сама знаешь, что делаешь... Только вот в следующий раз будь повнимательнее и перед тем, как уйти от меня, попроси печать... Квартира-то опечатана... Вот, держи, – Сазонов достал из ящика стола круглую печать райотдела милиции. – Как будешь уходить из квартиры Оленина, опечатаешь как положено... Все поняла?

– Поняла. Спасибо. – Она действительно забыла о существовании печати, поскольку *до* этого дня они с Шубиным вскрывали опечатанные квартиры, как профессиональные взлом-

щики, при этом работая так чисто, что после их ухода никому и в голову бы не пришло, что в квартире кто-то побывал. Но так, с круглой печатью в кармане, оно как-то спокойнее.

Оказавшись на улице, она вздохнула с облегчением: ей показалось, что она пробыла в кабинете старшего инспектора уголовного розыска несколько часов.

Над головой светило солнце, воздух дрожал от зноя, было душно, чувствовалось приближение грозы. По пыльному асфальту прохаживались словно уменьшившиеся в размерах от жары сизо-розовые голуби, воробьи жадно пили воду из лужи, образовавшейся перед газоном с какими-то пестренькими цветами. Не цветы, а так, чахлые ростки, напоминающие вольготно растущий сорняк.

В машине Юля связалась по сотовому телефону с Шониным.

– Олег, это Юля Земцова. У меня ключи от квартиры Оленина.

Через полчаса она забрала его из гостиницы и привезла в Фонарный переулок, где находилась квартира Захара Оленина.

Старый четырехэтажный дом, подъезд, пропахший кошками и вареной капустой, массивная дверь, обитая рыжей клеенкой.

– Почему в таких старых домах пахнет старой жизнью? – Юля аккуратно поддела ногтем полоску бумаги с печатью, открыла ключами дверь, распахнула ее и некоторое время стояла молча, всматриваясь в открывшуюся перед ней перспективу коридора. Темно-коричневое, почти черное пятно с размазанными краями вызвало тошноту.

– Кровь... – услышала она голос Олега, стоящего у нее за спиной. – Хоть бы помыл кто... Мерзость какая...

– Да кто же помоеет, если он один жил? Разве что милиция приведет какого-нибудь пятнадцатисуточника и заставит замыть пятно...

– А как же квартира? Кому достанется квартира?

– Практичный вопрос, ничего не скажешь... Вы бы закрыли за собой дверь, чтобы любопытные не заглядывали...

Захлопнулась дверь – и они остались каждый наедине со своими мыслями и ассоциациями. Смерть еще гуляла по квартире, укрывая своим кровавым крылом сумрачные лица людей, пытающихся проникнуть в ее тайну.

Захар Оленин жил не как обыкновенный человек, каким пытался представить его Петр Васильевич Сазонов. То, что он занимал типовую малогабаритную однокомнатную квартиру и брился по утрам (или вечерам) бритвой «Жиллетт», а в кухонном буфете у него стояла банка из-под самого распространенного и, можно сказать, ставшего дежурным кофе «Нескафе», еще ни о чем не говорило. Квартира Оленина была просто набита такими предметами, какие редко где вообще встретишь. Так, на широкой двухспальной кровати, занимавшей почти треть комнаты, Юля увидела шесть китайских подушечек в наволочках из гофрированного шелка, в книжном шкафу пылились дорожные альбомы с репродукциями известных европейских художников, причем датированные последними годами и купленные наверняка в Москве, если вообще не за границей, настолько великолепно они были изданы. В секретере Олег Шонин, который так же, как и Юля, молча обследовал комнату в поисках вещей, которые могли принадлежать Инне, обнаружил шкатулку, полную золотых и серебряных вещей. В основном это были мужские перстни, массивные, с темными полудрагоценными камнями, цепочки, браслеты, часы, брелоки, запонки... Кроме того, там же хранились деньги, преимущественно в долларах и немецких марках.

– Петр Васильевич, – позвонила Юля Сазонову, чтобы избежать дальнейших проблем и неприятностей, которые могли таиться за этими новенькими купюрами, – здесь много драгоценностей и денег... Вы не изъяли их, я вижу...

– Не переживай, мы сделали опись... Видишь ли, мои люди заняты сейчас поисками родных Оленина... Так что работай спокойно...

Она положила трубку и вернулась к Олегу, который в это время стоял на табурете и высматривал что-то на антресолях.

– Вы знаете, Юля, здесь около тридцати рулонов обоев, причем самого высшего качества, потолочные плиты, новые выключатели, дверные ручки... Это целое состояние... Сколько ручек? Около двенадцати... Я понимаю, что вы этим хотите сказать... Я тоже об этом подумал: все это куплено *не для этой квартиры*... Но для какой?

– Это надо снова обращаться к Сазонову и просить его узнать, не является... вернее, не являлся ли Оленин собственником какой-нибудь еще квартиры...

– А что, если он положил глаз на квартиру Инны?

– Там что, кто-то был? Вы что-нибудь увидели?

– Да нет, просто так сказал... Знаете, всякое в голову лезет... Но этот жук действительно собрался ремонтировать какую-то квартиру, это ясно как день...

В маленьком чемоданчике, найденном под обувной полкой в прихожей, они нашли пачку поздравительных открыток и записок, написанных Оленину некой Верой. Из текстов выходило, что эта женщина любила Оленина и каждый раз, поздравляя его то с днем рождения, то с годовщиной их знакомства, то с выздоровлением, непременно что-нибудь дарила.

«Захар, как я рада, что ты наконец-то выздоровел и у тебя закончилась твоя проклятая ангина. Посылаю тебе через соседского мальчика Антона виноград и вот эту милую штучку-вину... Я сейчас очень занята, у меня через полтора часа самолет, но, как только прилечу в Москву, сразу же позвоню тебе, и ты расскажешь мне, понравились ли тебе мои подарки... Целую нежно, твоя Вера».

– Мне почему-то кажется, что эти письма и записки написаны рукой довольно зрелой женщины... – сказал Олег, перечитывая записку. – Она любила его, причем очень сильно... Вот только кто она, эта Вера, и как ее найти? Она могла бы много чего рассказать о нем...

– Да, мне тоже кажется, что она старше Захара... Но у меня из головы не идет Лена, которая устроила здесь истерику и потом позвонила Чайкину в морг... Кстати, надо бы ему перезвонить... Может, Лена уже была там?

Она беседовала с Чайкиным всего пару минут.

– Нет, за ним никто не приезжал и никто не справлялся по телефону, когда можно забрать тело... Странно, правда? Где же Вера, которая так любила его, а когда он погиб, даже не появляется?... Обратите внимание, Олег, что вот эти последние записки типа «Я была у тебя в 19 ч. Позвоню в 20.30. Целую. Вера» датированы прошлым месяцем, а это говорит о том, что они встречались практически до последнего времени... Разве что эта Вера снова уехала по своим делам и просто не знает, что случилось с ее любовником...

– А может, он собирался ремонтировать *ее* квартиру?

– Может, и так... – Юля вошла в ванную комнату и вскоре позвала туда Олега: – Здесь висит женский купальный халат, ночная сорочка... две расчески на полочке...

Олег вошел в ванную и тоже увидел несколько предметов женского туалета.

– Вот и разберись, кому принадлежат эти вещи: Вере или Лене? Но то, что Захар, встречаясь пусть даже и с обеими женщинами, жил один, очевидно... В квартире беспорядок, вряд ли такое было бы возможно, если бы здесь жила та же Вера... или Лена... Надо срочно их найти. Посмотрим, что даст экспертиза, ведь в квартире был убийца и мог оставить отпечатки пальцев или что-нибудь такое, над чем сейчас бьются люди Сазонова... Надо также найти топор... Кстати, почему они решили, что удар нанесен именно топором? Так, а это что такое? – Она сняла с пластмассового крючка, находящегося на стене ванной комнаты, шелковую грязную веревку с петлей на конце. – Смотрите, какая-то черная шерсть или волосы...

Юля достала из сумочки новый полиэтиленовый пакетик, несколько штук которых всегда носила с собой для подобных случаев, раскрыла его и осторожно, стараясь не смахнуть черные волоски, застрявшие в переплетениях шелковых нитей, опустила туда веревку.

На полочке ванной комнаты лежала пачка презервативов, какие-то мази, лекарства, которыми обычно пользуются мужчины, делящие свою постель со случайными женщинами... Здесь же, в ванной, под стопкой чистых полотенец Юля нашла несколько порнографических журналов... Она хотела по-быстрому запрятать их снова на полку, чтобы не травмировать Олега образом плейбоя, каким был, судя по всему, бывший жених или возлюбленный его сестры, но Олег все равно увидел и впервые за все время их знакомства выругался...

– Не понимаю, что она нашла в нем... – только и мог сказать он, когда они вернулись в комнату и Юля продолжила осматривать бельевой шкаф. Примерно четверть часа спустя она обнаружила под ворохом белья коробку со слайдами.

– Я не думаю, что вам надо видеть это, – сказала она довольно жестко, устраивая на журнальном столике проекторный аппарат и разворачивая на стене экран, найденный ею на кухне, за дверью. – Задерните шторы и подождите меня на кухне... Мне кажется, я знаю, что это...

Но Олег не ушел. Когда в комнате стало темнее и на экране замелькали увеличенные снимки обнаженных девушек и довольно откровенные сексуальные сцены, участником многих из которых был и сам Захар Оленин, Юля услышала, как хлопнула дверь. Олег все-таки не выдержал. Вышел. Защелкали кадры, Юля попыталась понять, не было ли на снимках Инны, но так ничего и не поняла, поскольку многие девушки были либо в масках, либо на глазах их были черные повязки... И никакого насилия. Все, что происходило на экране, явно делалось с обоюдного согласия. Вот только женщины, которая могла бы быть старше Оленина, Юля так и не увидела. В основном демонстрировали свои стройные худенькие тела совсем юные девушки.

Коробку со слайдами Юля положила в свою сумку.

– Вы увидели там Инну? – осмелилась она спросить его уже на кухне, где Олег курил, глядя с отсутствующим видом в окно.

– Нет, ее там не было. Но она *могла* там быть... И кто знает, сколько у него таких слайдов? «И таких девушек?»

– Быть может, его убили именно из-за этих снимков? Пришел разъяренный муж одной из этих девиц и по пьяной лавочке зарубил его... Ограбление исключается... Мне вообще трудно понять убийцу, который решился на такое... и при этом не счел нужным прихватить с собой столько дорогих вещей и денег...

– Значит, убийца был принципиальный, а то и вовсе совестливый. Ведь если бы я его убивал, я бы тоже не притронулся к его грязным вещам и деньгам... А вам не приходило в голову, что эти доллары могли быть заработаны примерно таким же образом, как их зарабатывают... женщины... проститутки?

– Не знаю. Постараюсь найти этих девиц, и думаю, что сделать это будет не так уж трудно...

– Но ведь в городе больше миллиона жителей... Как же вам это удастся?

– Видите ли, женщины, способные сниматься в таком виде, вряд ли ограничивались обществом Захара... Ведь большинство женщин – нормальные, семейные... А может, они проститутки, тогда разыскать их будет еще проще... Вы мне скажите, мы не зря с вами пришли сюда?

Олег посмотрел на нее так, словно не понял вопроса.

– Вы что, хотите спросить меня, не раздумал ли я искать того, кто убил Инну?..

– Вы меня извините, но мне необходимо *точно* знать, работать мне в этом направлении или нет. Если да, то работа предстоит большая, с огромными затратами, мне придется поднять весь город в поисках этих девиц и всех тех женщин, которые были знакомы с Олениным... Возможно, что Инну убила женщина...

– Женщина?

– Да. Это тоже не исключается. Ревность – один из мощных эмоциональных рычагов... Кроме того, возможно, потребуется эксгумация трупа... Вы готовы к этому? Ведь мне тогда потребуется обращаться в прокуратуру и в другие органы... И еще: вы можете вновь написать заявление о возбуждении уголовного дела, хотя это уже чистая формальность, поскольку скорее всего вам в этом будет отказано по многим причинам... Я говорю вам об этом, чтобы вы знали...

– Я готов. Мне важно знать, что произошло тогда, год назад... И еще... я очень, *очень* жалею, что не встретился с вами раньше...

– Вы не должны так говорить и не должны обольщаться на мой счет. Не скрою, мне многое уже удалось за то недолгое время, что я работаю у Крымова, но повторяю: *никаких гарантий*... Если понадобится, я отчитаюсь перед вами потом за каждый потраченный рубль. Крымов научил нас считать и экономить... В одном можете не сомневаться: если только существует что-то, за что можно уцепиться в вашем деле, я непременно буду идти до конца, сколько бы времени и сил мне для этого ни понадобилось. В конце концов, это моя работа, и она мне нравится. А теперь нам надо уходить отсюда. Вот только позвоню Сазонову и доложу, что мы уходим... Да, еще квартиру опечатать надо...

* * *

Перед тем как поехать на квартиру Орешинных, Юля заехала в летнее кафе на бульваре Мичурина. Посетителей было немного, все городские бездельники стеклись к этому часу на Набережную, где через каждый метр были натканы десятки подобных кафе, преимущество которых заключалось в их расположении на семи ветрах и криках чаек буквально над головой. Зато здесь, в самом центре города, можно было в отличие от временных кафе на Набережной прилично поесть и даже подремать в тени больших полотняных зонтов, не боясь, что тебя унесет ветром и бросит в теплые волны предгрозовой реки.

– Гроза будет... – донеслось над ухом Юли, едва она присела за столик с подносом, заставленным невесомыми пластмассовыми тарелочками с легкой закуской и бутылкой колы.

– Привет, Земцова! – Над ней завис огромный и толстый Серега Иноземцев, приятель ее бывшего мужа, хирург и просто веселый парень лет тридцати пяти. Он был во всем белом, и от него хорошо пахло лимоном. Все знали, что у Иноземцева дома целая коллекция дорогого парфюма. Быть может, поэтому у него, такого пухлого и тяжелого, всегда было много женщин, которые его просто обожали и не давали ему возможности жениться и обзавестись семьей. «От него всегда хорошо пахнет, а еще он умеет делать деньги...» – вспомнила Юля, как говорил Земцов о своем друге Иноземцеве. Их еще путали из-за похожего звучания фамилий.

– Привет, Иноземцев! – Юля придвинула к себе поднос, тем самым давая понять, что не возражает против соседства Сережи. – Как дела?

– Лучше всех, как всегда.

– Мне нравится твой ответ. Я уж думала, что и ты сейчас начнешь ныть по поводу... и без повода. Ты еще не женился?

– Сейчас я возьму себе немного салатика и вернусь к тебе, идет? – И Иноземцев чуть ли не вприпрыжку бросился к буфету, где на глазах посетителей в прозрачных грилях жарились цыплята, а чистенький повар в белом фартуке, обтягивающем толстый живот, готовил хрестоматийный салат из огурцов и помидоров, орудуя большим и острым ножом... Трудно было пройти мимо такой живой и дивно пахнущей кухни на свежем воздухе.

Иноземцев вернулся через минуту с подносом и подмигнул Юле.

– Хорошо выглядишь... Худенькая, стройненькая, красивенькая... Ты еще не соскучилась по своему Земцову?

– Давай лучше поговорим о твоих делах... Земцов – это для меня пройденный этап.

– А кто же *не* пройденный?

– Мне никто не нужен... во всяком случае, пока. Работы много...

– Это твоя машина стоит тут, за углом? Это правда, что Крымов купил тебе новенький «Форд»?

– Правда. Только я заработала, а он купил. Я ведь благодаря ему превратила в груды металлолома свой старый «Форд», пришлось его продать за гроши...

– Не прибедняйся, ты выглядишь как шикарная, нигде не работающая девица, мающаяся от скуки... Разве это не комплимент?

– Спасибо, Сережа, ты настоящий друг.

– Помнишь, мы с тобой вот так же однажды встретились в городе, и ты обещала мне дать возможность подзаработать... ну там, перевязать кого, вправить челюсть, да что угодно, вплоть до криминальных аборт...

– У меня пока для тебя работы не было, но я все помню, как и номера твоего рабочего и домашнего телефонов... Как только – так сразу. А ты все там же?

Иноземцев работал в городской больнице в гнойном отделении и постоянно жаловался всем на свою «лошадиную работу и безденежье». Чтобы пресечь разговоры о работе, Юля вновь спросила его о женитьбе.

– Нет, я еще не нагулялся. А чтобы гулять, нужны деньги. А денег нет. Я вот смотрю на тебя, ты не подумай, что я тебе завидую, но мне, мужику, стыдно, что я езжу на трамвае, а ты раскатываешь на такой шикарной машине...

– Ты неисправим, Иноземцев... Ты же хороший хирург, почему бы тебе не повысить свою квалификацию и не перейти из твоего гнойного в настоящую операционную... – Юля вздохнула и уже пожалела о том, что пригласила его за свой столик.

– Я тебя раздражаю? – Заплывшие жиром глазки Сережи Иноземцева смотрели на нее жалобно. – Хорошо, я больше не буду... Давай тогда лучше поговорим о деле... Мне вот бабушка оставила наследство, а ходить по комиссионкам что-то не хочется...

– Ты что, Сережа, решил предложить мне бабушкино старое пальто с карманами, набитыми нафталиновыми шариками? – Юля отодвинула от себя тарелку и прикинула: если сейчас он не уймется, то остатки салата полетят в круглое лицо хирурга-неудачника.

– Не совсем пальто... – С этими словами Сережа достал из недр своих необъятных шелковых белоснежных брюк кольцо, при виде которого у Юли сильно забило сердце.

– Да это же сапфиры с бриллиантами... Ах ты, поросенок, все прибедняешься, а у самого карманы провисают под тяжестью бриллиантов... Да это же просто чудо что за колечко!.. Хорошая у тебя была бабушка, ничего не скажешь... Это колечко четверть моей машины стоит.

– А я что говорю?! А ты поди снеси его в ювелирный комиссионный, там за него и гроша ломаного не дадут...

– Это ты зря. Его хорошо оценят и, главное, быстро купят.

Но она уже знала, что купит его. Если не сегодня, то уж завтра – это точно.

– Нравится? А ты примерь, – искушал ее Иноземцев и даже привстал со своего места, чтобы самому надеть колечко на Юлин палец. – Красотища, скажи! Возьмешь?

– Возьму, чего уж там... Сколько просишь?

– Я не изверг какой – тридцать тысяч, и он твой.

– Понятно. Тогда можешь прятать свое колечко обратно в карман.

– А сколько же ты хотела? Кто мне только что сказал, что оно стоит четверть твоей машины?

– Это я погорячилась. Три тысячи... *рублей*, само собой, а то еще подумаешь, что баксов... Причем ты получишь их прямо сейчас...

Кольцо по-хорошему стоило шесть тысяч, и у Юли в сумке лежали шонинские деньги, из которых она могла бы взять, с тем чтобы вложить туда свои вечером. Искушение было велико, но не поторговаться с Иноземцевым она тоже не могла – это было еще одно искушение.

– Три? Да это же самый настоящий грабеж... Двадцать пять...

Юля ждала и молча ела, держа свою цену, а в это время Сергей, пыхтя и потев, вел классический торг, называя каждый раз новую цену и пытаясь по выражению лица Юли определить ее реакцию на очередную цифру, постепенно все же сбавляя по полтысячи и злясь на себя за свою слабость.

– Десять, – выпалил он наконец и, шумно выдохнув, чуть ли не лег щекой на столешницу. – Это моя последняя цена.

– Три – и точка.

– Давай кольцо назад... – Он протянул руку, а свободной достал из кармана большой носовой платок и промокнул им лоб. – Не хочешь – не надо.

– Шесть. – Юля спокойно, не снимая кольца и не обращая внимания на протянутую руку, достала из сумочки тысячу долларов и губную помаду с пудреницей. Доллары она положила прямо перед собой на стол, а помадой принялась подкрашивать губы, смотря в зеркальце пудреницы.

Вид денег подействовал на Иноземцева незамедлительно.

– Здесь не хватает тысячи рублей...

Юля без слов добавила.

– У тебя всегда в сумке так много денег? – любопытствовал уже успевший остыть от торгов, успокоившийся и, можно даже сказать, удовлетворенный сделкой Иноземцев, деловито рассовывая деньги по карманам.

– Почти. Работа такая. Надеюсь, кольцо действительно бабушкино, а не досталось тебе в результате ампутации пальца какой-нибудь состоятельной барышни?

– Ну и шуточки у тебя, Земцова... – покачал головой Сережа и тяжело поднялся со стула. – Тебе сейчас в какую сторону? Может, подвезешь?

– Мне на Беговую...

– А мне, как нарочно, в противоположную сторону...

Юля едва скрыла радость по поводу «противоположной стороны», попрощалась со словоохотливым и пристающим Иноземцевым и, так и не выяснив для себя, утолила ли она свой голод, села в машину и тут же связалась со Щукиной.

– Надя, это я. Как настроение?

– Так себе... Хандра продолжается. Крымов о тебе спрашивал...

– Значит, так. Найди человека, который прямо сейчас обошел бы все центральные магазины, где продаются шляпы от солнца, и спросил, когда и во сколько там могли видеть Таню Орешину. Ее фотографию найдешь в моем кабинете, в столе, – размножь и одну дай человеку.

– Тебя Сашок, дружок Шубина, устроит?

Речь шла о молодом парнишке, который в основном работал на Шубина и добывал для него информацию преимущественно с помощью своих сильных длинных ног и огромного желания помочь следствию. Он обожал своего наставника и готов был расшибиться в лепешку, только бы не разочаровать его. Закончив школу, он готовился к вступительным экзаменам в юридический.

– Я не уверена, что у него сейчас есть время... Он же готовится...

– Да он сам звонил мне и вчера, и позавчера и спрашивал, не приехал ли Шубин и нет ли для него какой работы...

– Тогда звони ему, вызывай, отдай фотографию и можешь для связи дать ему сотовый. Пусть почувствует себя мужчиной... Да, не забудь сообщить ему *мой* телефон... Я буду ждать его сообщения на квартире Орешиных. Да, чуть не забыла... девочка была одета в шорты кре-

мового цвета, красную майку без рукавов, а на шее золотая цепочка с кулоном в форме сердечка... Может, кто и вспомнит...

Глава 3

Орешины жили на Беговой, в трехэтажном светлом, оштукатуренном доме с лепными симпатичными мордами львов на фасаде. В таком доме не живут простые смертные. Значит, должность директора картонажной фабрики в этом городе чего-нибудь да стоит... Хотя что, кроме театральных декораций, картона и прочей чепухи, может выпускать подобная фабрика? Разве что печатать фальшивые деньги...

Думая бог знает о чем, Юля поднялась на второй этаж и позвонила в дверь. Она услышала шаги в глубине квартиры задолго до того, как дверь распахнулась и она увидела миниатюрную Галину Викторовну в том же самом костюме, в каком видела ее утром. Словно несчастной и перепуганной насмерть женщине и в голову не могло прийти, что стоит переодеться и немного расслабиться хотя бы дома... Могла существовать и еще одна причина, по которой Галина Викторовна так и осталась в своем рабочем костюме: у нее уже *были* и что-то *сказали*...

– Это вы? – В голосе Галины Викторовны чувствовалось напряжение. – Проходите, пожалуйста...

И только сейчас Юля поняла, что видит перед собой человека, находящегося на грани истерики. Красные веки и огромные темные круги под глазами, трясущиеся губы, дрожащие руки и затравленный взгляд... Неужели она уже что-то знает?

– Есть новости? – спросила Юля, пытаясь определить, что же произошло здесь за то время, что они не виделись с Орешиной.

– Нашли одну девушку в Затоне... – сильным, чересчур высоким и каким-то мальчишеским голосом ответила Орешина, странно и глупо улыбаясь. – Меня вызвали в морг...

– В Затоне? В пруду?

– Нет, рядом... Так что мне надо уходить... Вы извините меня...

– Вы хотите сказать, что мне нельзя оставаться здесь? Но в любом случае мне необходимо взглянуть на *ее* комнату...

– Разумеется, вы меня не так поняли... Вот ключи, они здесь, на телефонном столике... А меня муж внизу ждет...

– Извините, вас вызвали в университетский морг?

– Да...

Хлопнула дверь – в квартире воцарилась гробовая тишина...

Крымов постоянно учил Юлю абстрагироваться, в какой бы сложной ситуации она ни находилась. Вот и теперь она стояла в прихожей чужой квартиры и чувствовала себя здесь ненужной, чужой, навязывающейся – ужасно неприятное чувство...

Но она сумела собраться, спокойно обошла всю квартиру, чтобы составить полное представление о хозяевах, после чего зашла в комнату Тани Орешиной и принялась осматривать ее сантиметр за сантиметром. Обычно подобные осмотры давали много. Разные мелочи, записки, блокноты, духи, книги, письма, подарки, магнитофонные записи – все это могло привести на правильную мысль, дать возможность собрать максимум информации о хозяине жилища. Вот и сейчас, оказавшись в этой полудетской из-за великого множества плюшевых зверушек комнате, Юля уже приблизительно поняла, что представляла собой девушка Таня, восемнадцати лет от роду... Видеокассеты – преимущественно комедийные фильмы. Книги – в основном дежурный набор городского интеллигента плюс женские элитарные и довольно-таки дорогие журналы. На туалетном столике содержались в порядке бутылочки и баночки с кремами и духами, пудрой и жидким мылом... Нигде ни пылинки, все аккуратно расставлено и убрано... На письменном столе разложен огромный альбом – подробнейшая карта Европы и европейских столиц – шикарное французское издание. По-видимому, Таня Орешина – если судить

по открытой странице – собиралась посетить или просто изучала Германию. Здесь же лежал разговорник на немецком.

Юля достала свой блокнот и позвонила по первому же телефону, принадлежащему одной из Таниных подружек. Звали ее Варя.

– Варя, вас беспокоят по поводу исчезновения вашей подруги, Тани Орешинной... Меня зовут Юлия Александровна Земцова. Вы не могли бы сейчас подъехать к Тане домой, чтобы побеседовать со мной?

Испуганный тонкий голосок на другом конце провода заикаясь пробормотал:

– Хорошо, я буду у вас через пять минут...

И действительно, уже через несколько минут в дверь позвонили. Юля открыла дверь и увидела перед собой худенькую девушку в джинсах и черной маечке. Никакого грима, щеки бледные, а губы пухлые и почти белые... Огромные голубые глаза, растрепанные светлые волосы и маленький аккуратный носик, розоватый на кончике.

Они расположились в Таниной комнате.

– С ней что-нибудь случилось? – Варя смотрела куда-то мимо Юли, словно боялась прочесть в ее взгляде что-то такое, что навсегда поселит в ее душе тревогу, нет, ужас...

– Я пока не знаю... Скажите мне, пожалуйста, Варя, какая она, Таня Орешина... Ведь вы же ее самая близкая подруга...

– Таня? – Варя пожала плечами, сжала в нервном порыве маленькие кулачки. – Нормальная девчонка. С ней есть о чем поговорить. Она умная, начитанная, ответственная, даже слишком... Во всяком случае, если с ней договоришься куда-нибудь пойти, то можно уже не волноваться, что она не придет или опоздает... Такого еще ни разу не случилось... Если что-то обещала, значит, это все!

– У нее есть парень?

– Даже не знаю, как и сказать... Она встречалась с одним, но он оказался таким же, как и все, начал к ней приставать прямо в парке... понимаете, о чем я? А Таня не такая, она, конечно, не ханжа, она все понимает и воспитана не так... понимаете... если уж ложишься с парнем в постель, так чтоб непременно жениться... Но все равно... Она хотела, чтобы *это* с ней произошло по любви... – Варя подняла на Юлю свои уже полные голубой влаги глаза и смахнула предательски выкатившуюся на щеку слезинку. – Я почему вам об этом рассказываю... уж больно не понравился мне ее парень... К тому же он вовсе и не парень, а практически взрослый мужчина, хотя и красивый, ну просто *очень* красивый... Думаю, Таня и начала с ним встречаться только из-за этой красоты. Она вообще любит все красивое...

– Варя, можно я буду на «ты»?

– Конечно, о чем вы...

– Ты сказала, что тебе этот мужчина не понравился, хотя он, как ты только что сказала, был красивый... Я что-то не поняла...

– Он не понравился мне в смысле характера...

– А ты была с ним знакома, разговаривала с ним или судишь о нем со слов Тани?

– Вообще-то родители мне всегда внушали, что судить о человеке надо только по его поступкам. Поэтому трудно сказать, с Таниных ли слов или еще как, но я сужу по тому, как он себя вел по отношению к ней... и не только к ней...

– Ну например?

– Да вот взять хотя бы свидание. Еще ни разу не было, чтобы он не опоздал. Никогда не приходил с цветами, а когда они ходили в кафе, Таня платила за себя сама... Разве это не показатель? Ненавижу таких типов...

– А что Таня?

– Она расстраивалась, конечно, но все равно продолжала с ним встречаться...

– Между ними, стало быть, не было близких отношений? Это я поняла опять-таки из ваших слов... Он приставал, но Таня...

– Если честно, то не знаю. Она, во всяком случае, говорила мне, что у них ничего не было, потому что она *еще* не любит его...

– А он ее любит?

– Трудно сказать.

– Ты не знаешь, не было такого, чтобы она, скажем, не ночевала дома или вернулась *очень* поздно?

– Она не могла не ночевать дома. А если и не ночевала, то, значит, была у меня или у Светки Морозовой и от нас всегда звонила домой, маме...

– А у этого мужчины она дома не бывала?

– Кажется, они заходили к нему как-то раз вместе, но если вы хотите меня спросить, не знаю ли я, где он живет, то отвечу сразу – нет, не знаю... Я даже не знаю, как его зовут. Она называла его просто *он*. Но его имя можно запросто узнать у моей тетки. Дело в том, что Таня познакомилась с этим мужчиной на дне рождения моей тетки, куда он пришел со своей девушкой... Да-да, не удивляйтесь, он пришел к тете Вале со своей девушкой, а когда увидел Таню... Короче, он уже на следующий же день нашел ее телефон, позвонил ей вот сюда, домой, и назначил встречу... Вот такой это человек...

– А твоя тетя Валя знакома с этой девушкой?

– Конечно, раз пригласила ее к себе на день рождения.

– А мы не можем с ней сейчас связаться?

– В том-то и дело, что нет. Она уехала к родственникам в деревню. Но она должна приехать прямо на днях, и тогда, если это будет нужно, я поговорю с ней, все узнаю и вам перезвоню. Вас это устроит?

– Конечно, устроит.

И тут вдруг Варя, обхватив ладонями лицо, закачала головой:

– Господи... Какой ужас!..

– Ты о чем?

– Я сейчас так спокойно говорила о том, что перезвоню вам в течение нескольких дней, а ведь это о чем говорит? О чем?

Юля, конечно же, поняла, что Варя имела в виду: значит, в течение этих нескольких дней Тани *не будет*. Значит, она находится где-то в другом месте, откуда не может позвонить только по одной причине...

– Варечка, спасибо тебе за то, что ты пришла... Сейчас иди домой и постарайся успокоиться и ни о чем не думать... Вот тебе на всякий случай мои номера телефонов, звони, если что вспомнишь...

Варя с любопытством вертела в руках золотистую глянцевую визитку Земцовой.

– Вы из частного детективного агентства? Никогда бы не подумала... Я раньше думала, что там работают в основном мужчины, а вы молодая девушка... Вам не страшно?

– Страшно бывает, конечно...

Варя ушла, и Юля сразу же набрала номер Чайкина. Трубку долго не брали, наконец послышался долгожданный шелчок.

– Слушаю... – услышала она знакомый голос.

– Это Земцова. Ну как там Орешина? – Юля и сама-то разволновалась и затаила дыхание...

– Слушай, Земцова, ты, похоже, знакома со всеми моими клиентами... ты что, видишь на расстоянии? – Он был пьяный, причем основательно, и теперь, балагурия, отравлял цинизмом эфир. Так о его манере говорила Юля.

– Ты мне не ответил... Леша, ту девушку, что тебе привезли с Затона, опознали?

– Опустили. Они только что уехали... Орешины... Это хорошо, что ты мне сегодня привезла пожрать, не представляю, как бы я выпил столько без закуски... – И он икнул в трубку.

– Эта девушка... Таня Орешина?

– Она.

– Леша, что с ней случилось?

– Один удар – и ее нет...

– Удар куда?

– В голову, куда же еще... И еще, правда, несколько ударов по почкам, печени... Я не понимаю, кто это в нашем поганом городишке так гнусно развлекается...

– Ее не изнасиловали?

– Я ее еще не смотрел, но по первичным признакам никакого насилия над ней не совершали... Ее избили. Причем пару дней она пролежала на берегу, ее лицо в некоторых местах попортили раки, будь они неладны... Но в воде она не была. Ее бросили, видать, куда-то в ивовые заросли, ведь в Затоне много ив... Привезли на машине или еще на чем и бросили умирать...

...Она уже давно положила трубку, а в голове еще продолжал звучать голос Чайкина.

Надо было подготовиться к возвращению Орешиных. Поведение людей в подобных, страшных обстоятельствах предугадать бывает невозможно. Но теперь, когда Таню *нашли*, агентству будет поручено искать ее убийцу...

Когда послышался звук отпираемых замков, Юля вся напряглась, стоя в дверях Таниной комнаты и чувствуя, как подкашиваются ноги.

Первой показалась Галина Викторовна. Она уже не улыбалась, то есть губы ее уже не растягивала нервическая полуистеричная улыбочка. Лицо ее скорее выражало крайнюю степень апатии. Однако тон ее, с которым она обратилась к Юле, был более чем вежливым.

– Вы еще здесь? Извините, а мы про вас забыли, ведь правда, Володя?

Следом в квартиру вошел высокий пожилой мужчина с серым лицом и отсутствующим взглядом. Он, ничего не говоря, скрылся в одной из комнат.

– Ведь вас Юля зовут? – Орешина подошла к Юле и положила ей голову на плечо, как будто та была ей сестрой или подругой. – Танечку убили...

И тут она часто-часто задышала и, сотрясаясь всем телом, беззвучно зарыдала...

* * *

В машине Юля составила себе план действий:

1. Сделать снимки подарков от Веры Оленину – найти магазины, где вероятнее всего делались эти покупки;

2. Найти Лену и Веру, можно и Антона, который исполнял роль посыльного;

3. Найти девушек со слайдов;

4. Переписать даты записок Веры к Оленину и сопоставить их с рейсами на Москву: вычислить *Веру*. Судя по всему, она занимает неплохую должность и работа ее связана с частыми командировками;

5. Вербка в ванной Оленина – чья это шерсть? Отдать Наде;

6. Срочно связаться с Варей и съездить к «тете Вале», чтобы поговорить с ней о девушке, с которой приходил на день ее рождения мужчина, с которым встречалась Таня Орешина;

7. Информация от Саши (в магазинах 14 июля);

8. Сазонов – «пальчики»;

9. Чайкин – что ели перед смертью Оленин, Орешина...

Она захлопнула блокнот и положила его в сумку. Сидя в машине и глядя на прогуливающих неторопливо по улицам нарядно одетых людей, она подумала, что ужасно завидует их

безмятежности, их праздности, их неведению, которые заполняют их счастливую и спокойную жизнь. Они идут себе, глаза на витрины и покупая на каждом шагу мороженое или горячие булочки, не подозревая о том, что каждый день в городе происходят убийства... Они не сталкиваются каждый день с грязью и смертью, как бедолага Чайкин, постепенно спивающийся в своем море... А Надя Щукина хандрит, потому что боится признаться даже себе в том, что мужчина, с которым она живет уже почти год, катится в пропасть и что вытащить его оттуда за белесые редкие вихры будет ой как трудно, если вообще возможно...

Ей в голову пришла совершенно дикая мысль. Иноземцев! У него связи в медицинском мире. Пусть он выступит посредником и получит свои проценты...

– Серж Иноземцев? – Она постаралась придать своему голосу неузнаваемый низкий тембр.

– Кто это? – отозвались на другом конце провода. – Люсь, это ты?

– Меня зовут Эсмеральда...

– Не понял.

– Иноземцев, послушай, это Земцова... Звоню тебе от своего знакомого ювелира...

– Что-нибудь не то? – Юля почти увидела перепуганное и растерянное круглое лицо Сережки и довольно хмыкнула.

– А ты как думал?

– Но ведь я же проверял... Бриллики настоящие, сапфиры тоже... Ты что, решила вернуть мне кольцо? Предупреждаю сразу – у меня денег уже нет, я расплатился с долгами...

«Скверная какая личность...»

– Послушай, я звоню тебе вовсе не из-за кольца... Ты бы мог мне найти человека, способного вылечить мужчину от алкоголизма, сохранив его имя в тайне? Я тебе заплачу, если будет результат. Понимаешь, у меня мало времени, но очень хочется помочь одному хорошему человеку... Объявлений-то тьма, все сулят всех вылечить от пьянства и табакокурения, но я никому не верю... Сережа, будь другом, найди мне волшебника...

– Земцова, тебя убить мало... так перепугать человека... Я уж и правда поверил, что какие-то проблемы с кольцом... Уф-ф... Считай, что ты такого человека уже нашла. Гарантия – пожизненная. Только это будет довольно дорого стоить.

– Ты особенно-то не зарывайся, все под небом ходим... Ты не боишься, что тебя, жадную такого, кто-нибудь и когда-нибудь обидит и ты приползешь ко мне просить, чтобы я нашла твоего обидчика?... Или вдруг ограбят? Или ранят? Или просто набьют морду? Ты понимаешь, о чем я? Я не советую тебе наживаться на моих гонорах...

– Цена в пределах разумного... – смягчился Иноземцев, который, наверно, даже через провода и графитовый порошок телефонной трубки почувствовал запах денег.

– Вот и славно. Координаты, цену, фамилию и адрес...

– Как, разве ты забыла, как меня зовут и где я живу?

Она расхохоталась от души, забыв, что еще совсем недавно в слезах выходила из дома Орешинной.

– Тогда просто: сколько?

– Сто рублей. Новыми.

– Сто?

– Сеанс, разумеется.

– Так, понятно, а сколько сеансов?

– На клиента надо бы посмотреть...

Они договорились встретиться втроем: *клиент*, Юля и Иноземцев на следующий день, восемнадцатого июля, в восемь вечера в том же самом кафе, где встретились сегодня днем.

– Если я не смогу его привести – я позвоню и предупрежу...

Едва она отключила телефон, как к ней пробился озабоченный Крымов.

- Ты где, партизанка?
- На Беговой. Какие вопросы, Крымов? Соскучился? Как поживает *твое насекомое*?
- Так же, как и все твои животные...
- Ты мне не хами, говори по делу, а то уволюсь...
- Что с Орешиной?
- Ты еще ничего не знаешь?
- А что я, собственно, должен знать... Ты нашла ее?
- Ее нашли другие люди... в Затоне...
- Крымов долго молчал, переваривая новость.
- Утонула?
- Ее избили, как и трех «синюшек»... Пара ударов – ей хватило...
- Что говорит ее мать? Ты виделась с ней после этого?
- Она хочет, разумеется, чтобы мы нашли убийцу...
- Значит, тебя можно поздравить?
- С чем?
- С тем, что удержала клиентку...
- Крымов, тебе никто не говорил, что ты мерзавец и негодяй?.. – Она чуть не задохнулась от ярости.
- Говорили – и прибавляли к этому, что у меня нет сердца и прочих органов... Зато у меня есть самый главный орган...
- Юля отключила аппарат и попыталась завести машину. Крымов позвонил снова.
- Не отключай меня, а то хуже будет... распоясалась совсем... Ты куда едешь?
- А откуда ты знаешь, что я еду?
- Слышу, как ты дергаешь ручку передач... Слушай, я разговаривал с Сазоновым... Про Шонина – это правда?
- Я работаю в отличие от некоторых, которые стригут купоны.
- Скажи, это *правда*?
- Разумеется.
- А почему я узнаю об этом последний?
- Потому что слишком много времени уделяешь *насекомым*...
- Он для этого и приехал к нам? – ушел от ответа Крымов.
- Я ведь уже все тебе рассказывала... Он приехал, чтобы помянуть сестру, но после разговора со мной решил начать расследование и найти убийцу Инны...
- Он заплатил тебе?
- Разумеется.
- А почему же ты мне не отдала деньги?
- Не успела.
- Я готов тебя просто убить... Сколько?
- Его условия следующие: расследование веду я, и все расчеты он будет производить со мной. Иначе его не устроит.
- Сколько?
- Она назвала сумму, вдвое меньше той, которую получила утром от Шонина.
- Продешевила. Могла бы взять и побольше. Но и это неплохие деньги. Сдашь под расписку Шукиной, а я ее предупрежу...
- А себе рубль, вернее, два рубля на мороженое можно взять?
- Возьмешь столько, сколько сочтешь нужным для работы, а потом отчитаешься... Жду тебя сегодня у себя в шесть. Шампанское уже в холодильнике, я заказал в ресторане цыплят в сухарях... Все, пока.
- Стало тихо. Если не считать коротких гудков из телефона.

* * *

Два часа Земцова потратила на техническую и не очень творческую работу: съездила домой, взяла фотоаппарат, вернулась на квартиру Оленина, «распечатала» ее, сделала необходимые снимки записок Веры, ее писем, явных подарков, драгоценностей, прихватила слайды (и все это без ведома Сазонова), снова опечатала квартиру и привезла ключи от нее Сазонову.

– Что-то ты долго возилась там... Нарыла что-нибудь? – У Сазонова уже весело блестели глаза. Дело шло к вечеру, старший инспектор уголовного розыска решил немного расслабиться и выпить.

– Нарыла. Он встречался с некой Верой, женщиной явно старше себя... не могу это пока объяснить, сузу по ее письмам и тому отношению к Оленину, которое чувствуется во всем, начиная с тона этих самых записок и кончая дорогими подарками... Сейчас молодые девушки не умеют зарабатывать себе на жизнь реальной серьезной работой, какой, как мне представляется, занимается Вера... Она сильно любила Захара, заботилась о нем... Я вот тут сделала выписку дат с записок... Взгляните... – она протянула Сазонову листок из блокнота, где она записала: «15 июня, 28 июня – Москва. Вера». – Мне думается: если поднять регистрационные журналы, то по спискам пассажиров, вылетевших в эти дни рейсами до Москвы, нетрудно будет установить всех Вер... Вера – нынче не очень распространенное имя. К тому же, как мне кажется, эта женщина довольно часто летает в Москву... Вы поможете мне?

– Какая ты шустрая... Где ж мне столько людей взять...

– Поймите, найдем эту женщину, легче будет подобраться к убийце Оленина...

– А что, если это она и убила? Узнала, что у него куча баб, – да и зарубила на хрен...

Юля поспешила уйти. Разговаривать с человеком в таком состоянии не имело никакого смысла. Проспится, тогда она – через Крымова ли, напрямую ли – снова попросит у него нужную ей информацию.

Алкоголь – без него не решается ни одно дело... Во всяком случае, так говорят мужчины.

В агентство она приехала около шести. День прошел, оставив за собой черный шлейф трагедий...

– Помнишь, как-то я говорила тебе, что мне импонируют контрасты, – она вошла в приемную, где Щукина работала за компьютером, и плюхнулась в кресло, – всякое удовольствие, подруга, основывается на контрасте: ты воблу соленую ешь и запиваешь холодным пивом – утоляешь жажду, ты жарись на пляже, а потом бросаешься в прохладную упругую воду, насыщая каждую пору влагой...

– А что, теперь разве не так? Теперь тебе после воблы хочется соленой селедки, а после жаркого пляжа тянет попариться в баньке? – улыбнулась Надя, поворачиваясь к ней всем корпусом на вертящемся стуле и пытаясь выдавить из себя улыбку. – У тебя что сегодня – трудный день?

– Ты попала в самую точку. Контраст убил меня. После отпуска оказаться в нашем мрачном городе, наводненном призраками мертвых избитых женщин... Как это все ужасно. И твой Чайкин... Мне его жаль, безумно жаль...

– Хочешь чего-нибудь? У меня есть одно шоколадное пирожное, специально для тебя купила, а еще холодная говядина из ресторана... Представляешь, Крымов повадился ходить в «Европу», в ресторан... Понравилось ему обедать там, видите ли... Он и мне принес оттуда вот это – говядину, фаршированную грибами... Делать ему нечего, честное слово...

– А что ты имеешь против ресторана? – спросила Юля, отказываясь принимать из ее рук блюдо с мясом. – Я тебе обещала приятный вечер, так? Обещала повести в одно чудесное место?

– Уж не хочешь ли ты сказать...

– Да-да, именно это я и собираюсь тебе не только сказать, но и предложить... Мы сегодня с тобой идем в ресторан. Я приглашаю. Ты не подумай, что я уж такая альтруистка или ненормальная, сорящая деньгами... Там все шикарно и дорого, но я преследую свои цели, и что плохого в том, что они немного совпадут и с твоими?

– Что-то я совсем запуталась... – Надя взъерошила свои рыжие пушистые волосы и с любопытством уставилась на Юлю. – Давай по порядку... Зачем тебе в ресторан? Хочешь напиться, а не с кем?

– Я расскажу тебе все в машине, поехали, запирай контору, тебе еще нужно переодеться... Я подожду тебя, а потом мы заедем ко мне, я тоже наряжусь...

Спустя полтора часа Юля и Надя входили в ресторан «Европа». В машине им поговорить так и не удалось, поэтому сразу после того, как их усадили за столик, Надя, раскрасневшаяся от волнения и от сознания того, что на ней ее новое, еще ни разу не надеванное вечернее платье, синее в блестках, была очень оживлена и засыпала Юлю вопросами. А Земцова, в полупрозрачном черном платье, открытом «до неприличия», как сказал бы Крымов, вела себя так, словно она и не слышала Надю. И лишь спустя несколько минут, привыкнув к атмосфере сверкающего огнями люстр, наполненного музыкой и ропотом приглушенных голосов ресторана, Юля словно очнулась и, тряхнув головой, ответила на первый и самый главный вопрос Шукиной:

– Мы здесь потому, что мне нравится во-он тот музыкант... Пианист, видишь? Дальше. Сегодня я приглашена к Крымову на ужин с шампанским и цыплятами в сухарях...

– Понятно, ты решила съесть этих цыплят еще тепленькими, прямо здесь?

– Совершенно верно. Но и это еще не все причины... У меня к тебе серьезный разговор...

– О Леше? – Лицо Нади моментально приняло серьезное и сразу погрузневшее выражение.

– И это не все... Взгляни... – Юля протянула Наде руку и показала сверкающее при свете хрустального бра кольцо с переливающимися радужным пламенем бриллиантами и синими сапфирами. – Вот, надела, чтобы все видели... Надоело, знаешь, искать радости жизни в постели с Крымовым... Я решила больше с ним не встречаться... Жаль, что он мой шеф, трудно строить после разрыва нормальные деловые отношения... Он постоянно задирается, мешает, путает мне все планы, нагло вторгается даже в мои мысли... Надо положить этому конец, ты не находишь?

– Да я тебе давно об этом говорила, но ты тогда, после истории с Ломовым, находилась в таком состоянии, что, если бы не Крымов, неизвестно, как бы ты все это перенесла... Он хоть и свинья порядочная...

– Ты не так выразилась – *непорядочная*...

– Ну, хорошо, свинья непорядочная, а все равно морально поддержал тебя...

– Ты не так выразилась: *физически*, а не морально. Он занимался моим телом, а свои мысли и душу я приводила в порядок сама, можешь мне поверить...

– Тебе видней... – согласилась Надя и замолчала, когда к ним подошел официант.

Юля сделала заказ и снова как замороженная посмотрела на играющего на рояле молодого человека.

– Надя, ты посмотри только, как он элегантен и изыщен... И откуда он только взялся?

– Ты даешь мне задание? Могу узнать в течение суток, – усмехнулась не без иронии Шукина, привыкшая добывать для Юли служебную информацию.

– Не опошляй мои эстетические чувства... Ты видела, какие шикарные на нем очки? А какая шевелюра? Интересно, каким шампунем он моет свои волосы? Знаешь что, Шукина, были бы у меня деньги, много денег, я бы все вечера проводила здесь, в этом злачном и порочном месте, среди таких вот бездельников, и слушала бы, слушала, как он играет...

– Ты влюбилась?

– Ну, если можно влюбиться в красивую вещь, в картину, например, то считай, что влюбилась... Несомненно, мне бы хотелось его приобрести. В вечное пользование. Вот сейчас напьюсь и попрошу директора ресторана завернуть мне его, запаковать в непременно красивую коробку с шелковой бумагой, перевязать золотой тесьмой и отвезти домой...

– Прямо в постель?

– Послушай, кто тебя научил таким пошлостям?

– Крымов.

– Он что, снова начал приставать?

– Хуже, он каждый день говорит мне гадости относительно «моей связи (это его выражение) с местным патологоанатомом».

– Он вообще спит с каким-то *насекомым*... Извращенец.

Между тем пианист встал, промокнул лоб большим белым носовым платком и вышел.

– Его сейчас накормят, напоят... – прокомментировала Надя, – и ублажат по всем статьям... Ты только посмотри, какие вышколенные и длинноногие здесь официантки, и заметь, обслуживают они преимущественно мужчин, в то время как нам с тобой принес икру мальчик-официант... И тоже, кстати, недурственный...

Пианист вернулся, сел на свое место и только поднял руки над клавиатурой, как к нему подошла дама в черном платье с разрезом – даже издали Юля заметила полкило косметики на ее одутловатом испитом лице и блеск нахальных глаз – и, протянув ему бумажку, очевидно деньги, о чем-то попросила. Он кивнул.

– Послушай, он принимает заказы... – заволновалась Юля, чуть ли не вставая со своего места. – Как же это я раньше не догадалась?! Вот сейчас он будет играть для этой наштукатуренной, а потом к нему подойду я и попрошу сыграть что-нибудь из Гершвина...

Между тем музыкант, откинув каштановые, блестящие при свете ламп волосы назад, выпрямился на стуле и взял сначала несколько аккордов, словно настраивая публику на что-то определенное, грустное и медленное, после чего заиграл мелодию из «Крестного отца»...

– Идиот, не мог сыграть что-нибудь более интересное... – вырвалось у Юли, и она вдруг поймала себя на том, что уже выпила залпом целых два бокала шампанского. – Надя, прошу тебя, следи за мной, как бы я не натворила глупостей... Знаешь, со мной что-то происходит... Я каждый час совершаю эти самые глупости... Вот сегодня, например, купила у Сержа Иноземцева это кольцо, отдала ему кучу денег... Приняла у Олега Шонина деньги, тебе Крымов еще не говорил?..

– Сказал, чтобы я приняла у тебя...

– Примешь. Завтра. Если сегодня не умру от любви к этому мальчику... Так вот. Это еще не все. Я накормила твоего Чайкина, тем самым спровоцировав его на выпивку... – Она резко и довольно низко опустила голову и, подняв правой рукой волну своих светлых волос, обнажила шею: – Можешь меня убивать...

– Да брось ты... – Щукина подняла ее голову так, словно это был какой-то хрупкий предмет. – Ты же покормила его, а не напоила... Я звонила ему... Так о чем ты хотела со мной поговорить?

– О нем, о Чайкине... Давай мы его вылечим? Все расходы беру на себя. Мне все равно деньги не нужны... пока, во всяком случае, а вам это необходимо... Я знаю одного человека, который вылечит его, и твой Лешка даже запаха спиртного не будет переносить...

– Фу-ты, господи, а я-то думала, что у него какие-нибудь неприятности...

– Они будут, поверь мне, эти неприятности, если его не полечить... Этого не надо стыдиться. Ты можешь доверить его мне?

– Да пожалуйста... – Надя махнула рукой и как-то вяло зацепила вилкой кусочек рыбы. – Только мне не больно-то в это верится...

– Ты его, главное, подготовь, поговори с ним обстоятельно. Завтра в восемь вечера я уже назначила встречу.

– Уже завтра?

– А чего зря время тянуть? Тссс... – Юля вдруг сорвалась с места: Надя за разговором и не заметила, как закончилась музыка и молодой человек в черном фраке и белой рубашке, плотно облегающей его стройную шею, удерживающую на себе красивую, породистую голову, волнообразным движением опустил руки вниз и слегка потряс ими. Юля уже подходила к нему, и Надя увидела, как та волнуется, заказывая ему Гершвина. Какие-то деньги исчезли в кармане пианиста, а сам музыкант, слегка улыбнувшись, поклонился и снова взял несколько настраивающих аккордов.

Юля вернулась, глаза ее сияли. Нетвердой походкой обойдя столик, она склонилась к Наде и жарко зашептала ей на ухо:

– Он улыбнулся мне, ты видела? Нет, ты видела?

Он играл что-то быстрое, беспешашное, легкое, ироничное, хохочущее, издевательски-насмешливое и одновременно грустное до боли, до слез, до смерти... После такой музыки уже ничего не хочется... Это как сладкий яд, после которого трудно оправиться...

– Что такое ты ему заказала?

– И сама не знаю... Я попросила его сыграть что-нибудь на его вкус, чтобы до мурашек, до дрожи во всем теле, чтобы... вместо вина... Думаю, что это Гленн Миллер, но переделанный на свой манер... и, как мне кажется, в миноре... Как в горьком горчичном соусе с... беленой или мухоморами...

– Да что с тобой? Успокойся... разве можно так нервничать из-за какого-то мальчишки?

– Я из-за насекомых...

Юля набросилась на еду, словно именно в этом сейчас заключалось ее избавление от наваждения. А наваждение оказалось третьим столиком справа, за которым сидела девушка с белым «конским» хвостом, перехваченным черной бархатной лентой. Она сидела на этом месте уже довольно долго, Наде не было видно ее спутника. Когда же она его увидела, ей стало ясно все.

– Смотри не сверни себе шею... – услышала Надя насмешливый голос Юли, поедающей с завидным аппетитом хрустящих цыплят.

– И давно он здесь?

– Подождал меня, видать, с полчаса, а потом позвонил своей бабочке или гусенице, уж не знаю, как он называет ее в постели, и привез сюда...

– А здесь ты... Ты действительно не знала, что он приедет сюда? Или ты специально привезла меня, чтобы быть не одной и увидеть собственными глазами соперницу?

– Говорю же тебе, он приглашал меня сегодня к себе на ужин в шесть... Мы с тобой, пока переодевались, пока красили губы и обливались духами, потеряли уйму времени...

– Ты хочешь сказать, что, когда мы с тобой пришли сюда, Крымов был уже здесь?

– Конечно...

– Значит, твоя нетвердая походка и трясущиеся руки – это не шампанское?

– Не знаю, может, меня от акульих плавников трясет?

От цыпленка осталась горка тонких сиреневых косточек. Юля достала из сумочки платок, привела в порядок свои губы, промокнув их и освежив темно-розовой помадой.

– Как бы я хотела быть мужчиной... – мечтательно проговорила она и запрокинула голову, словно над ними разверзся потолок и над рестораном засияли прохладные, серебряные на синем шелке ночного неба звезды...

– Я могу пригласить вас на танец?

Она вздрогнула и чуть не зажмурилась, увидев прямо рядом со своим лицом склоненное к ней лицо Крымова. От него пахло чем-то сладким, не то ванилью, не то корицей.

– Вы что-то сказали? – процедила она сквозь зубы и повернула голову в противоположную от него сторону.

– Я пригласил тебя на танец. Ты не против?

– В принципе, я поела, теперь у меня появились силы... – Она встала и, сама не зная, зачем она это делает, пошла за ним, да еще и взявшись за его руку. Ее тело, словно помимо воли его хозяйки, помня аромат и то наслаждение, которые исходили от этого мужчины, устремилось за своим старым властелином, отринув такие ставшие вдруг смешными и пустыми принципы.

Крымов танцевал с ней медленный танец, нежно поддерживая ее спину, и Юля, ощущая кожей сквозь тончайшую газовую ткань его прикосновения, испытывала самые противоречивые чувства. Она и любила и ненавидела этого мужчину одновременно. И теперь, находясь в его объятиях, сваливала все на силу инерции, против которой у нее, как оказалось, не хватило сил бороться... А в это время глаза искали черный силуэт пианиста. Она хотела слишком многого, слишком...

– Есть новости, – нарушил первым молчание Крымов, – тебе будет интересно...

Он не видел, как опустились уголки ее губ, а глаза увлажнились...

– Какие? – прошептала она, глотая невидимые слезы, душившие ее. Она умирала от ревности и не понимала, как в эту минуту можно говорить о делах.

– В квартире Оленина найдены любопытные следы... Там была женщина... вроде тебя...

– Что? – Она отстранилась от него и вцепилась острыми коготками в лацканы его пиджака. Глаза ее смотрели на него с ненавистью, однако мозг был готов воспринять абсолютно все, что бы он ей сейчас ни сказал. – Как это *вроде меня*?

– Ты же носишь шпильки? Такие туфельки на тоненьких каблучках?

– Конечно, а что?

– Следы таких вот изящных туфелек и обнаружили в квартире Оленина... Причем размер маленький, где-то тридцать четвертый... Золушка, короче...

– Ничего интересного... – Она хмыкнула и снова вывернула шею, чтобы убедиться в том, что ее пианист на месте, реально существует, а не результат ее расстроенной психики... – У него, как выразился твой пьяница Сазонов, «куча баб»... Вполне возможно, что у одной из них такая маленькая ножка... Надо просто проверить...

– А любопытно в этой истории то, что сегодня, приблизительно четыре часа тому назад, как раз тогда, когда я ждал тебя у себя дома, остужая шампанское и, наоборот, подогревая цыпленка, нашли труп еще одной молодой женщины... Ее зовут, вернее, звали Наташа, и работала она в теплице, за городом, в совхозе цветочно-декоративных культур, розы выращивала... Ее застрелили. В упор. Прямо на территории теплицы. Труп нашли между розовыми кустами...

– Послушай, зачем ты мне все это рассказываешь? У меня и так полно дел, с этими бы управиться... Или ты хочешь сказать, что тебе позвонил ее муж и выложил десять тысяч баксов?..

– Нет, никто мне не звонил и ничего не предлагал... разве что Корнилов, небезызвестный тебе Виктор Львович, старший следователь прокуратуры...

– ...Короче! – не выдержала Юля. Танец кончился, а они стояли, как и многие другие парочки, в ожидании следующей мелодии.

– Там земля влажная... Следы все – как на ладошке. Так вот, рядом с телом Наташи эксперты обнаружили *точно такие же* следы женских туфель на шпильке. И размер тот же. Все совпадает. А теперь... спокойной ночи...

Глава 4

18 июля

Рано утром Юля позвонила Чайкину и пригласила к телефону Надю.

– Привет, родная... Как ни странно, я себя прекрасно чувствую, но звоню тебе не для того, чтобы поделиться этой радостью, а для того, чтобы спросить, что же ты такого сказала Крымову, что он развез нас на моей машине – если я, конечно, ничего не путаю, – по домам? И куда делась его пассия?

– Ничего особенного я ему не сказала... Разве что наметнула, что у тебя при себе шонинские деньги, которые мы после выпитого шампанского можем потерять по дороге... Я ему напомнила о существовании ГАИ, о том, как трудно будет нам потом объяснить этим монстрам, что в Юлиной сумочке в ночь с семнадцатого на восемнадцатое июля находилось больше десяти тысяч долларов...

– Ты хочешь сказать, что Крымов остался Крымовым и в первую очередь заботился о сохранности денег, которых у меня, кстати, с собой, конечно же, не было, чем о наших грешных душах?

– Разумеется. А что касается его, как ты выразилась, пассии, то она осталась за столиком... Думаю, что он вернулся за ней позже...

– А ведь я совсем не так собиралась завершить вечер... Не знаю, что это на меня нашло и зачем мне было заказывать еще одну бутылку шампанского... Послушай, такое легкое, аристократическое вино, а во что может превратить двух интеллигентного вида и совсем неглупых девушек... Что с тобой сделал Леша, когда узнал, что ты провела вечер в ресторане?

– Видишь ли, он был в таком состоянии, что, даже если бы я сказала ему, что выхожу замуж за соседа, он вряд ли бы как-то прореагировал...

– Ты так свободно говоришь об этом... Его что, уже нет?

– Он на работе. Я накормила его завтраком и проводила. Сейчас вот приведу себя в порядок и тоже поеду в агентство, где надеюсь встретить в ближайшее время и тебя... Не забудь, кстати, прихватить деньги...

– А ты поговорила с Лешей о том, что мы запланировали с тобой на сегодняшний вечер?

– Поговорила, конечно. Более того, уже сегодня утром мне показалось, что этот вопрос в моей жизни должен занимать куда более важное место, чем он занимает сегодня... И я тебе благодарна за заботу о Чайкине...

– Он согласился?

– Согласился. Ты думаешь, что он ничего не понимает?

– А ты не знаешь, куда это он полетел так рано?

– Знаю. Ты же сама рассказала мне про девушку из теплицы...

После разговора с Надей на душе стало несколько спокойнее: она ни слова не сказала о пианисте, а ведь Юля прекрасно помнила, как подходила к нему после того, как потанцевала с Крымовым, и пригласила его к себе домой... Он вежливо отказался, сославшись на головную боль. Зато Юля увидела вблизи, прямо рядом со своим лицом, его лицо, глаза, губы и тонкую темную полоску, где он каждое утро сбрасывает свои почти мальчишечьи нежные темные усы... Если Надя промолчала, значит, ничего вызывающего по отношению к пианисту в тот вечер она не допустила. Уже это слава богу...

За окном шел дождь. Утро выдалось серо-фиолетовое, прохладное, будничное до мурашек... После душа Юля выпила чашку горячего какао, съела грушу и перед тем, как выйти из

дома, достала из встроенного в стенку спальни сейфа шонинские деньги, доложила туда недостающие шесть тысяч с половиной рублей, которые потратила на покупку кольца у Иноземцева и на ужин в ресторане, затем разделила полученную, первоначальную, сумму пополам, одну часть вернула в сейф, а другую положила к себе в сумку, чтобы отдать Наде, и только после этого занялась собой.

Раз на улице дождь, решила она, то волосы надо бы уложить в прическу, а лицу придать более теплые, розово-оранжевые тона... Черные тонкие шерстяные брюки, красная трикотажная кофта и объемная, рыжей мягкой кожи, сумка, набитая фотоаппаратурой, блокнотами, ключами и прочими необходимыми вещами...

Машину она нашла у себя в гараже за домом и впервые подумала о Крымове более тепло. Зато чувство стыда за свое вчерашнее поведение жгло ее всю дорогу вплоть до агентства.

Остановив машину прямо у подъезда, она выключила «дворники», которые не успевали справляться с прозрачной толстой пеленой дождя, обрушившегося с неба на город и за одно утро превратившего его почти в Венецию... За несколько секунд, которые ей понадобились, чтобы добежать до двери, она успела промокнуть.

– Что же это происходит в природе?.. И откуда берется столько воды?.. – спросила она наслаждавшуюся покоем и комфортом Надю, заходя в приемную и с ходу наливая себе чашку горячего кофе, аромат которого она слышала еще в коридоре.

– Звонила Орешина и спрашивала, заносить ли тебя в список приглашенных на похороны...

– *Список?* – удивилась Юлия. – Они что, собираются устроить закрытые похороны?

– Не знаю... Все люди разные.

– Мне кажется, я начинаю кое-что понимать... Она хотела узнать, приду ли я на похороны, чтобы посмотреть на тех, кто придет попрощаться с Таней... Мне кажется, она хочет мне рассказать о том парне, вернее, мужчине, с которым встречалась ее дочь... Знаешь, может, она и права, что не хочет видеть на кладбище посторонних... Похороны – это не всегда что-то общественное...

Она позвонила Орешинной.

– Юлечка, – совсем по-родственному, чуть ли не по-домашнему обратилась к ней Галина Викторовна, словно бы обрадовавшись ее звонку, – мне бы хотелось с вами встретиться и поговорить... Я знаю, что у вас свои методы, но послушайте, пожалуйста, меня... Я не могу сейчас к вам приехать, поскольку у меня здесь столько дел, связанных с погребением Танечки, но кое-что, самое важное, на мой взгляд, я вам все же скажу или даже... посоветую... Я знаю практически всех подруг Тани, друзей по школе, двору... Я *никого* из них не подозреваю. Но она в последнее время встречалась с мужчиной... И, пожалуй, впервые она мне ничего не рассказывала... Вы понимаете, что я хочу сказать? Я *не видела* этого человека, но думаю, что он может прийти попрощаться с ней... Мне кажется, вам стоило бы с ним поговорить...

– Но если вы его не видели, то как же я узнаю его среди остальных?.. Или вы хотите сказать, что этого мужчину видел кто-то из подруг Тани?

– Нет, его видела только одна женщина, с которой я знакома, и она должна сегодня после обеда вернуться...

– Ее зовут Валентина?

– Да, а вам откуда это известно? – удивилась она вполне искренне.

– Так я же работаю... Это тетка Вари, у меня запланирован разговор с ней... Вот только я не уверена, что Варя в тот момент, когда ее тетка объявится, найдет меня...

– Найдет. Она хорошая девочка и понимает, насколько это важно... Вы уж извините меня, что о таких вещах я говорю с вами по телефону, но у меня действительно нет времени...

Надя, прослушавшая этот разговор, покачала головой.

– Какой ужас... Такая молоденькая... А ты знаешь, кстати, что она была беременна?

Юля чуть не выронила чашку из рук.

– Это тебе Леша рассказал?

– Да. Ты хочешь поговорить с ним? Тебе набрать его номер?

– Нет, я сама к нему съезжу, ты можешь только позвонить ему и предупредить о моем визите... А пока у меня к тебе целый ворох дел... Доставай свою записную книжку и пиши... Итак, начнем со слайдов... – Она достала из сумки коробку и выложила ее на стол, следом показался пакет с веревкой. – Надо найти девушек, которые здесь засняты... А веревку отдай на экспертизу – пусть скажут, что это за шерсть... Дальше. Меня, конечно же, интересуют результаты экспертиз, проведенных в квартире Оленина. Отпечатки пальцев... Знаешь, у меня из головы не идут эти следы туваль на шпильках... Я все-таки склонна предположить, что это всего лишь совпадение. Вот пока и все. – Она отметила что-то в своем блокноте и вздохнула: – Когда следствие только начинается, так все трудно и запутанно, что даже страшно как-то становится... Но Сазонов обещал помочь в поисках женщины по имени Вера... А теперь прими у меня деньги. Пересчитай и все оформи чин чинком.

Пока Надя пересчитывала деньги и записывала в реестровый журнал, который ее заставил завести Крымов и за чтением которого он мог проводить часы напролет, что-то выписывая, пересчитывая и анализируя, Юля сама позвонила Чайкину и предупредила о своем визите.

– Ты уезжаешь надолго? – спросила Надя после того, как все формальности были соблюдены и гонорар Шонина переключался в сейф агентства.

– Сначала к Чайкину, затем к Сазонову, дальше постараюсь выйти на тетю Валю, и хорошо хотя бы к концу этого дня разыскать Веру... Да, кстати, совсем забыла, как дела у Саши? Он показывал Танину фотографию в магазинах?

И словно нарочно в коридоре послышались легкие и быстрые шаги, распахнулась дверь, и Юля увидела худенького, мокрого как мышь паренька в черной болоньевой курточке, джинсах и огромных смешных кроссовках. Это и был Сашок. По лицу его стекала вода.

– Я принес то, что вы просили, – сказал он, обращаясь одновременно и к Наде, и к Юле, поскольку понимал, что в основном-то он собирал информацию для Юли. – Я записал все магазины, где она была... У продавщиц на редкость хорошая память... Везде, где в центре города продаются пляжные широкополые шляпы из соломки (а я так понял, что эта девушка не станет покупать себе шляпы из лески и прочей ерунды), Орешина была, и ее запомнили.

– Запомнили? Но почему?

– Да потому, что она везде подолгу примеряла шляпы, и, как ни странно, они все ей шли... Но вот купила она шляпу на Набережной...

– Ты и там был? – спросила Юля, в душе восхищаясь мальчишкой, который с таким усердием выполнял ее поручение. Кроме того, она вспомнила, что на Набережной действительно есть магазинчик итальянской одежды, где она и сама недавно видела большой выбор летних шляп...

– Конечно, был и даже зарисовал шляпу, которую она купила. Из соломки оранжевого оттенка с желтым газовым бантом... – И Саша достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги, который оказался почти детским карандашным рисунком, на котором была изображена шляпа.

– Спасибо тебе. Держи. – Она достала деньги и отсчитала ему пятьдесят рублей.

– Нет, я работаю с Шубиным, вот он приедет и со мной расплатится... А этих денег все равно много... Еще что-нибудь нужно? – Он нехотя достал из другого кармана сотовый телефон. – Я вас не нашел вчера вечером...

– Оставь его пока себе, носи с собой, если понадобится, я сама тебе позвоню, идет? – Юля похлопала его по плечу. – А пока посиди, обсохни, тебе Надя сейчас нальет кофе или чаю...

– Нет, мне некогда. Я пойду?

И он ушел. А Юля еще некоторое время рассматривала рисунок шляпы.
– Надо бы узнать, была ли шляпа в Затоне, где нашли Таню Орешину...

* * *

Чайкин выглядел на редкость хорошо. Он встретил Юлю улыбкой, которая ну никак не вязалась с его голубым застиранным хлопчатобумажным костюмом, напоминающим пижаму, и, главное, с длинным, до пола, жестким, некогда белым фартуком, забрызганным мертвой кровью не одного десятка трупов и ставшим по этой причине бурым, в рыжих разводах...

– Работаешь?.. Проходи. У меня есть кое-что для тебя...

– Если ты собрался острить на некрофильские темы, то лучше не надо... Погода – дрянь, настроение – тоже. Что там у тебя?

Она прошла в зал и увидела застывшее белое тело девушки, в которой с трудом узнала Таню Орешину. Вскрытую грудину Чайкин едва успел прикрыть желтой, в пятнах, клеенкой...

– Надя сказала, что она была беременная...

– Да, но срок маленький, всего четыре недели...

– Ее не изнасиловали?

– Нет, я же вчера говорил... Ничего такого, просто избили... Но смертельный удар пришелся на голову. Вернее, несколько ударов... Видишь, что у нее с ухом? Сбоку ударили, в ухо, в висок, а лицо почти не испортили... Зато раки постарались... Ничего не понимаю, кому это понадобилось... А... – он махнул рукой и отвернулся.

– Никто не понимает. Леша, где ее одежда?

– Ее увезли на экспертизу.

– Там была шляпа... такая... новая, оранжевая с желтым газовым бантом?..

– Нет, конечно... Если и была, то мне-то ее сюда зачем привозить? Это ты спроси у своих друзей из уголовного розыска...

– А цепочки золотой с кулончиком в форме сердца, рубинового, не было?

– Нет, ни цепочки, ни часов, ничего такого...

– Понятно...

– Ты, кажется, просила меня узнать, что ел Оленин перед смертью, так?

– Да, так. И что же?

– Хлеб с сыром и чай, еще немного клубники. Вообще-то он был мужчина здоровый, ничем не злоупотреблял... Легкие чистые, печень как у ребенка... Если и пил, то совсем мало и что-то легкое...

– Скажи, а ты можешь определить, к примеру, группу спермы Оленина на тот случай, если вдруг окажется, что в его смерти замешана женщина... Я, быть может, туманно выражаюсь, но мне бы хотелось, чтобы ты взял какие-то образцы ткани Оленина, его сперму, кровь... Я чувствую, что в его жизни женщины занимали не последнее место, и то, как он погиб, запросто могло быть связано с одной из его любовниц... Кроме того, у него могли быть дети... Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Хорошо, я все понял. Но тогда мне надо бы оставить и образцы волокон ткани, кровь и содержимое матки Орешинной... В нашем городе сейчас появилась новая лаборатория, где определяют отцовство на генетическом уровне... Ты же именно это имеешь в виду?

– Она была беременна, ее убили... А почему бы и нет?.. За Олениным так никто и не приехал? Никто не звонил?

– Абсолютно никто. Я его отправил в холодильник, вот теперь поработаю над ним, а уж потом придется звонить в похоронную службу и сообщать о том, что за ним так никто и не пришел...

– Леш, ты погоди звонить в похоронную службу...

– Никак ты сама решила заняться его похоронами?

– Я? А при чем здесь я? Просто у него была или есть женщина, для которой он был... всем... Я читала ее письма, записки... Она наверняка сейчас в командировке и ничего не знает о том, что с ним произошло... Представь, она приезжает и вдруг узнает о его смерти... Судя по всему, женщина она состоятельная и уж если возьмется его похоронить, то хорошо, если не закажет золотой гроб...

– Счастливчик... – кивнул в сторону холодильной камеры Чайкин и усмехнулся.

– А что ты нашел в желудке Тани Орешинной?

– Представь себе, почти то же самое, что и у Оленина: сыр, хлеб, чай и клубнику. Но не советую тебе делать поспешные выводы... Если ты разрежешь сейчас меня, то найдешь то же самое...

– А у меня, в отличие от вас, внутри груша... – Она усмехнулась и покачала головой, словно сама не веря, что в подобном месте уместны такие вот черные шутки.

Оказавшись на мокнувшей под ливнем улице, она все же успела надышаться свежим воздухом, очистила свои легкие от мерзкого трупного запаха и, добежав до машины, села и сразу же связалась с Сашей. Он почти тотчас откликнулся.

– Александров на проводе, – отчеканил он так, словно находился на боевом посту. – Юлия Александровна, это вы?

– Я, а ты откуда знаешь?

– Чувствую.

– Саша, ты сейчас далеко?

– Сажу в кафе возле университета и читаю газеты. Шубин учил меня быть в курсе...

– Это верно. Ты в каком кафе? Я бы могла к тебе приехать, у меня есть одно дело... Вот только карточки закажу напечатать... Это недолго, у меня есть знакомые на Театральной площади в фотомастерской...

Через полтора часа она уже входила в маленькое кафе под названием «Буратино». Саша сидел за угловым столиком и усиленно наблюдал за входящими в кафе посетителями.

– Привет. Как ты хорошо здесь устроился: тепло, пахнет кофе и горячими булочками... Ты, наверно, Сименона начитался?

– Начитался, – сознался Сашок и покраснел, словно его уличили в какой-то слабости. – У них там все так красиво, просто и понятно...

– Что верно, то верно... Смотри... – Юлия достала из сумки большой толстый конверт и высыпала на столик пачку цветных снимков с изображением разных вещичек – подарков, как ей думалось, Веры... – Видишь: часы, брелок, перочинный ножик, ручка с золотым пером... Да здесь полно всего... Тебе нужно обойти все центральные магазины, где могли продаваться такие вещи, и попытаться узнать, кто и когда покупал их и за сколько... Задание трудное, сразу предупреждаю... Больше того, тебя могут просто попросить выйти из магазина, чтобы ты не отпугивал покупателей и не привлекал к себе внимания... Найди такой тон разговора, чтобы к тебе прислушались и поняли, что ты делаешь все это не из праздного интереса, а что ты из... милиции... Ведь Шубин тебе сделал удостоверение помощника следователя?

Сашок покраснел еще больше.

– Я ничего не знаю, – Юлия сложила кисти рук крест-накрест, – иди и спокойно работай. Да, кстати, ты не знаешь, когда Игорь возвращается?

– Сегодня вечером, из Москвы...

– Вот и отлично. У меня к нему тоже уйма дел... Ну давай, счастливо! Потом позвонишь, хорошо? В любое время дня или ночи...

Сазонова она нашла деятельным и серьезным донельзя. Услышав его хриплое и лающее «Войдите!», она поняла, что рискует попасться ему под горячую руку.

– Петр Васильевич, какой дождь... – Она улыбку, вспомнив, как вчера, в самую жару ее выручило холодное пиво, которым Сазонов утолил жажду, а она получила под это пиво информацию. – Что-то сегодня вы такой... жесткий, я бы сказала...

– Давай не будем про жесткое... Я сегодня с женой разругался... рано утром... А тут еще эти новые убийства... Зашиваемся, зашиваемся, понимаешь ты или нет? Впору хоть в Москву за помощью обращаться. Девочку убили, Орешину, в Затоне нашли, это ты, наверно, уже знаешь... А вчера в теплице еще один женский труп... Кто-то истребляет вашего брата...

– Ее опознали? – Юлия решила сделать вид, что не в курсе этого убийства в теплице.

– Опознали. Ее же товарки, работницы теплицы... Наталия Рыжова, всего-то двадцати лет от роду... Убита выстрелом в упор.

Сазонов говорил, а она слушала. Слушала и думала о том, что Сазонов устал. Что у него семейные неприятности, что он скандалит с женой из-за того, что его постоянно нет дома, а когда наконец является, то почти всегда под мухой, что он ругается матом, много курит... А сейчас вот мужик словно бы жаловался Юле на то, что у него нет таких средств, какими располагало их агентство, что не хватает машин, нет средств на бензин и оплату агентуре, что многие сотрудники болеют, даже лежат в больницах с инфарктами и гипертонией... И ни слова не сказал о том, что в теплице влажная земля, на которой отлично просматриваются следы женских туфель на шпильке... И что точно такие же следы обнаружены на квартире Оленина... Почему? Ну почему он скрывает это от нее? И ведь не он сообщил об этом вездесущему Крымову, а какая-нибудь девица-эксперт, которая влюблена в Женьку без памяти... Но зато, если агентство во главе с Крымовым раскрутит дело Шониных, Сазонов получит свои проценты, причем немалые...

– Петр Васильевич, я бы хотела узнать, не нашли ли вы женщину по имени Вера... Помните, я вчера оставляла вам листок с датами... У вас кто-нибудь занимался ею?

– Э тот, что ли? – Сазонов как бы между прочим достал из-под папки листок с подколотым к нему другим, голубым листком с отпечатанным на нем небольшим текстом.

Юлия пробежала глазами текст и сразу же простила Сазонову и плохое настроение, и вообще все на свете. В списках пассажиров, вылетевших в указанные дни в Москву, была только одна пассажирка с именем Вера. Вера Лаврова. Больше того, следователь уголовного розыска, некая Никитина, подписавшаяся под текстом справки, проанализировав рейсы на Москву в течение последних трех месяцев, выяснила, что Лаврова летает в Москву иногда даже по два раза в неделю. К справке прилагались и паспортные данные Лавровой. Оставалось только найти место ее работы и разыскать ее по указанному в паспорте адресу...

– Вы себе представить не можете, Петр Васильевич, как я вам благодарна... Вы не переживайте. Если вам потребуется моя личная помощь или транспорт, вы только позвоните... А сейчас мне некогда... Ведь вы же нашли женщину... ну, чуть ли не жену Оленина... Если вы не возражаете, я сейчас сделаю копию этой справки и сразу же поеду ее искать, а вечером позвоню, и мы сможем скоординировать наши действия...

– Земцова, что-то я ничего не понял... Зачем тебе Оленин? Ты же, кажется, занимаешься Шониным...

Юлия удивилась тому, как крепко вошла фамилия состоятельного клиента в память Сазонова. Но почему-то эта же память предательски позволила позабыть ему о том, что убитый Оленин являлся женихом убитой Инны Шониной...

– Понимаете, у нас хоть и миллионный город, а все равно все почти друг друга знают... Оленин был женихом Инны Шониной...

– Понятно. Вспомнил. Значит, ты практически Олениным не занимаешься, а копаешь под Инну?

– Я ищу людей, знавших Оленина... – Она хотела что-то спросить об отпечатках пальцев в квартире Оленина, но, не желая лишний раз надоедать своими вопросами Сазонову, решила

выведать всю информацию по этому делу у Нади. – Я вам позвоню, Петр Васильевич... И если почувствую, что эта Вера Лаврова может быть причастна к смерти Оленина, непременно передам все сведения...

С этими словами, забрав справку, она вышла из кабинета и со всех ног бросилась вниз, к машине. Она так и не поняла, почему никто из службы Сазонова никак не отреагировал на появление в деле нового лица – любовницы убитого Оленина. Неужели у них, недоумевала она, так много работы, что не хватает сил даже на то, чтобы просто скоординировать работу своих же следователей и агентов – не тратить время попусту, а двигаться в разных направлениях, проверяя одну версию за другой?..

* * *

Ей пришлось заехать к себе в агентство, чтобы снять копию справки о Лавровой, поскольку во всем здании не нашлось ни одного исправного ксерокса.

– Надя, тебе, наверное, придется самой вернуть первый экземпляр Сазонову. И сделать это поскорее, чтобы этот ворчун не смог упрекнуть меня, что, мол, я использую его службы в своих корыстных целях... С ним сейчас лучше не связываться. А я помчусь к Лавровой. Если ее вдруг не окажется дома, то порасспрашиваю соседей...

– Да уж, будь Сазонов в другом расположении духа, ты бы через ту же Никитину и узнала, где работает Лаврова.

– А ты скажи Крымову, чтобы он поговорил с Никитиной. По-моему, это новый следователь, но уже по одной справке видно – человек ответственный и мыслит логически...

– А почему эта «хорошая» не выяснила сразу, где работает Лаврова?

– Значит, не было таких указаний. Это во-первых, а во-вторых, откуда мы знаем, может, Сазонов только притворился, что его не больно заинтересовала Лаврова... Ты ему подсказала с аэропортовскими рейсами, и он использовал твою идею...

– Может, и так... У тебя есть что-нибудь новое?

– Был тут один человек, журналист, мой хороший знакомый, он как раз занимается проблемой проституции в городе... Я отдала ему твои слайды и попросила уже сегодня вечером привезти их обратно с фамилиями и адресами.

– А Крымов в курсе?

– Конечно, в курсе. Стала бы я расплачиваться из своего кармана...

– Хорошо, подождем. Шубин не звонил? Саша сказал, что он должен вот-вот приехать... Мне кажется, что я не видела его тысячу лет. Как появится, пусть позвонит мне, хорошо? Мы с ним встретимся где-нибудь в городе, я введу его в курс дела...

– Это если Крымов тебя не опередит и не отправит его еще в какую-нибудь тмутаракань. Хочешь кофейку?

– Нет, ничего не хочу, хочу только увидеть Лаврову. Знаешь, я даже немного представляю ее себе... Высокая, худощавая, стройная женщина, скорее всего брюнетка с красивыми зелеными глазами... Оленин бы не стал встречаться с сорокадвухлетней кочергой...

– Сколько ей лет?

– Сорок два.

– Да уж... наверно, действительно красивая, раз сумела окрутить такого парня, как этот ваш Оленин...

– Ты так говоришь, словно видела его... – засмеялась Юлия, собирая сумку и поправляя прическу. – Даже я и то видела его уже в холодном виде... Смотрела фильм «Холодные закуски»?

– Смотрела-смотрела...

* * *

Лаврова жила на Большой Горной в новом девятиэтажном доме на третьем этаже. Дом прятался почти в сквере, возле старинной арки, ведущей прямо в городской парк. Место – лучше не бывает: тишина, близость пруда с плавающими в нем лебедями и утками, зелень и свежий воздух... Все в городе знали стоимость квартир в этом доме, как знали и то, кто именно имел возможность здесь поселиться. Быть может, поэтому весь район городского парка, который постепенно застраивался элитными дорогими особняками и вот такими аккуратными многоэтажками с двухуровневыми шикарными квартирами, горожане и прозвали «Воруй-город».

Юля долгое время не могла проникнуть в подъезд, поскольку не знала, естественно, кода, позволяющего открыть парадное, пока на ее стук не вышла приятная молодая женщина, консьержка, она и впустила Юлю.

– Вы к Лавровой? А ее нет дома. Не вижу ее что-то около недели... В командировке, наверно... Вы бы ей позвонили сначала...

– Да вот телефон записала на листочке и потеряла...

– А вы кто ей будете? Я почему спрашиваю... словом, женщина она крайне необщительная, замкнутая, гости к ней не ходят, она тихая как мышь...

– А мужчины к ней ходят?

– Вы из милиции? Я угадала?

– Почти. Я из частного сыскного агентства. Мне надо задать ей несколько вопросов... Вы не знаете, кстати, где она работает?

– Нет, не знаю. Слышала, что в одной частной фирме, но чем именно она занимается, не скажу... Но могу вам кое-что подсказать. Я вот говорила, что она необщительная... Но у нее здесь, в доме, есть одна приятельница, к которой она иногда ходит... Мне же из окна видно. Она живет в соседнем подъезде на первом этаже, и зовут ее Лорой. Вот она, в отличие от Веры Васильевны, любит поговорить. Уверена, что она вам все про Лаврову расскажет. Код 365. Первый этаж, квартира 38.

Юля оставила консьержке свою визитку и, поблагодарив ее, отправилась на встречу с Лорой.

Лора – холеная розовотелая женщина в прозрачном пеньюаре – встретила ее с пирожным в руках. И сама была похожа на свежее пирожное с кремом – пухлая, нежная и соблазнительная. Юля, заметив, как легко и без вопросов она открыла дверь постороннему человеку, сделала вывод, что Лора ищет на свою голову (а скорее всего на тело) приключений.

– Извините... Я сразу же представлюсь, чтобы у вас не возникло ко мне предубеждения... Меня зовут Юлия Земцова, вот мои документы, я из частного сыскного бюро... Мне надо с вами поговорить...

Лора смахнула с чистого гладкого лба непослушный рыжеватый локон и, склонив голову набок, словно пытаясь получше разглядеть посетительницу, пожала плечами и наконец отошла в сторону, впуская ее в квартиру. Удостоверение так и осталось в ее руках неразвернутым...

– Ладно, входите... У вас работа такая, я понимаю... Но я и представления не имею, чем смогу быть вам полезной... Я нигде не работаю, практически ни с кем не встречаюсь, веду совершенно паразитический образ жизни, чем, в принципе, страшно горжусь... Проходите, можете не разуваться... Представьте, я даже полы не мою... Толстеть вот стала...

Видно было, что ей очень хочется, чтобы Юля задала вопрос: как же это вам так удастся жить в огромной шикарной квартире и при этом ничего не делать? Но такие вопросы задавать не принято, потому она промолчала.

Лора любила белый цвет, ее апартаменты словно светились изнутри чистым молочным светом... Бело-розовые пушистые ковры под ногами, белая лестница, ведущая на второй этаж,

белый, мягкий даже на вид ворсистый диван, такие же кресла, белые жалюзи... Даже розы на прозрачном стеклянном столике стояли белые.

– Хотите чаю с тортом?

– Да не отказалась бы... Только чуть позже, хорошо?

– Пожалуйста... Но вот торт я пекла сама, так что не бойтесь, свежайший...

– Лора, это ничего, если я буду вас так и называть?

– Пожалуйста. Меня так все называют. Так что у вас ко мне за дело?

– Меня интересует одна ваша приятельница по фамилии Лаврова. Вера Лаврова.

– Вера? С ней что-нибудь случилось? – Лора по-настоящему испугалась.

– Я не знаю... Дело в том, что она встречалась с мужчиной, которого звали Захар Оленин...

– Захар? Но почему *встречалась*? Она и сейчас с ним встречается, просто она уехала куда-то неожиданно, наверное, в командировку... Так и что?

– Захара убили. Его, знаете ли, даже похоронить некому... Вот я и пришла к Вере, чтобы сообщить ей эту страшную новость...

– Господи, какой ужас! Но как хорошо, что вы не застали Верочку!

– Это почему же?

– Да потому, что это бы ее убило... Вы бы не смогли сказать ей это так... Короче, ее надо как-то подготовить... В отличие от меня, вы уж извините...

– Возможно, вы и правы. Так, значит, вы не знаете, где сейчас Вера?

– К сожалению, нет. Обычно она мне всегда говорит, что, мол, Лора, завтра лечу в Москву... У нее же фирма, фармацевтическая... А Вера – заместитель директора. Вы себе не представляете, что с ней будет, когда она узнает о Захаре... И как же он погиб?

– Я же сказала – его убили.

– Но кто?!

– Вот этим мы как раз и занимаемся.

– А можно узнать, *как* его убили? Его застрелили? – Лора обняла себя руками и вся сжалась, гримасничая, как плохая актриса.

– Нет, Лора, его убили иначе... Зарубили топором.

– Ах! – вскрикнула она и зажала рукой рот. – Вы простите мне мою эксцентричность, но просто надо знать Веру и их отношения с Захаром, чтобы понять мою реакцию... Они обо-жали друг друга... И если бы не великодушные Захара, не его желание сделать Верочку счастливой, они давно бы поженились... Но он не такой человек, чтобы лишать женщину радостей жизни... Они любили друг друга, заботились друг о друге, проводили вместе не так уж и много времени, поскольку Вера, как я уже говорила, страшно занята... Но это были настоящие чувства. Сейчас таких уже и не встретишь... А может, это было простое ограбление? Ведь Вера такой щедрый человек! Она без конца ему что-то дарила, возила ему все из Москвы, из самых дорогих магазинов... Она одевала его как игрушку...

– Послушайте, Лора, но зачем она это делала? Разве Захар не мог сам одеваться и покупать себе все сам?

– Ой, что вы! Во-первых, он долгое время не мог устроиться на работу... Уж не знаю, кто он по специальности, но, как говорит Вера, он мечтал найти работу по душе, а в нашем городе это сделать не так-то просто... Вот Верочка ему и помогала... Мне же сейчас тоже вот *помогают*... Согласна, что это не самый лучший способ устраиваться в жизни, но и у нас существует духовная близость и гармония...

– Вы содержанка? – спросила Юлия ее прямо в лоб и, не давая опомниться, сразу же добавила: – У вас прекрасная квартира...

Лора покраснела.

– Если бы... – Лицо ее наливалось кровью прямо на глазах. – Об этом я могла бы только мечтать...

В это время раздался телефонный звонок, и Лора буквально подскочила на месте, схватила трубку:

– Да, слушаю... Это ты? С кем? Да, хорошо, я все поняла... Но у меня ничего нет, если хотите поужинать, то привезите из ресторана...

Она положила трубку.

– Ну вот и поговорили... Сейчас ко мне приедут... – Лицо ее приняло несколько растерянное выражение. – Они приезжают, знаете ли, когда им только заблагорассудится. Им все равно, здорова я или больна... В любое время дня и ночи... И каждый раз – или почти каждый раз – это разные люди... Есть, конечно, и постоянные, но в основном-то командированные... Так сказать, *делегации*... И ведь все семейные, а многие так и вовсе известные в городе, да и в стране люди... Но если бы вы только знали, какие же это скоты, когда им перепадает женщина вроде меня... Они разве что не подвешивают меня к потолку... Вы извините, но мне надо принять ванну...

Юля слушала ее и не верила своим ушам. А она-то приняла ее сначала за жену бизнесмена, затем за содержанку, а теперь оказывается, что она проститутка? И что общего у нее могло быть с Верой Лавровой?

– Скажите, Лора, к вам можно еще прийти... когда вы освободитесь?

– Приходите... Часа через четыре, у них самолет ночью, так что они не задержатся...

* * *

Варя позвонила очень вовремя – Юля как раз собиралась связаться с ней или с Орешиной, чтобы справиться, не приехала ли из деревни «тетя Валя».

– Юлия Александровна, она приехала, моя тетя... Мы можем подъехать к вам... Правда, она все время плачет, но все равно, она обещала помочь найти этого парня...

– Варечка, спасибо, что позвонила, подъезжай ко мне на Абрамовскую, в агентство, знаешь где?

– Знаю. Мы будем там где-то минут через тридцать пять – сорок.

Юля вспомнила, что так и не пообедала. Она позвонила Наде:

– Шукина, у тебя остался тот кусок говядины? Я чувствую, что теряю силы... У меня встреча в агентстве через сорок минут, а я голодная... Что посоветуешь?

– Ресторан «Европа». Конечно, для пианиста рановато, но зато пообедаешь, вспомнишь вчерашний вечер, глядишь, и всплакнешь...

– Ничего не поняла. Зачем мне обедать в ресторане?

– А почему бы и нет? Кстати, я могу назвать тебе имя твоего очаровательного музыканта...

– Ну и как же его зовут?

– У него прекрасное имя. Такое же прекрасное, как и он сам. Угадай.

– Представления не имею.

– Герман. Герман Кленов. Лучше и не придумаешь...

– Ну что ж, поеду в «Европу»... А вдруг он там... репетирует?

Глава 5

Но Германа в ресторане не было. Шесть часов вечера – самое неприятное время для ресторанной жизни. Для отдыха – рановато, для обеда – поздновато. В этот час там можно встретить случайных и, как правило, оголодавших или замерзших посетителей, возможно приезжих, кому карман позволяет наслаждаться свежей ухой из стерляди, молодой бараниной в винном соусе и кроликами в сметане.

– Скажите, – обратилась Юля к официанту, лицо которого показалось ей знакомым (скорее всего именно он обслуживал их в тот вечер, когда Крымов поставил своей задачей во что бы то ни стало провести ночь с отдохнувшей и посвежевшей Юлей, но вместо этого всю ночь обнимался со своим «насекомым»), – во сколько приходит ваш пианист и как его зовут?

– Зовут его Герман, а приходит он к восьми часам. Между прочим, вы не первая, кто интересуется им... Не мое это, конечно, дело, но, по-моему, его не интересуют женщины...

– Неужели мужчины?

– Я вам ничего такого не сказал...

– Тогда зачем же было говорить, что он не интересуется женщинами?

– Вчера, например, одна дама караулила его у служебного выхода из ресторана и была столь навязчива, что Герману пришлось выбираться на улицу через кухню...

– И давно он у вас?

– Не очень, месяца два-три...

– Я понимаю, вам, должно быть, не очень приятно, когда в вашем присутствии обращают внимание на другого мужчину, но согласитесь, он производит впечатление...

Вдруг она остановилась. Она вела себя просто недопустимо – опуститься до разговора с официантом и обсуждать с ним свои личные проблемы?! Хотя какие же они личные и почему проблемы? Разве этот мальчик занимает хоть сколько-нибудь места в ее сердце? Если бы она могла ответить на этот вопрос... Ее томила жажда чего-то неизведанного, запретного, но это чувство было рождено не телом, а духом. Больше того, она осознавала, что вчера, в то время как ее обнимал в полутанце-полукружении Крымов, ей хотелось, чтобы он заметил ее взгляд, обращенный на Германа... Это ли не ребячливость? Это ли не пошлое желание вызвать ревность у мужчины, который на тебя совершенно не обращает внимания? Как же это глупо...

– У вас есть груши или сливы? – спросила она официанта, который почему-то не отходил от нее.

– Мне показалось, что вам плохо... Я даже испугался... – услышала она над самым ухом и бросила на молодого человека взгляд, полный пренебрежения.

– Так есть или нет?

– Есть, то есть нет... Сейчас спрошу... А вот, кстати, и ваш обожаемый музыкант...

Она покраснела до корней волос. Что ж, сама виновата, что позволила себе вольный разговор с официантом: теперь он будет каждый раз при встрече с ней говорить «ваш музыкант», а потом и вовсе перейдет на «твой Герман»...

– Что вы себе позволяете?

– Извините... – Он исчез, словно его и не было. Только запах дешевого одеколона остался витать в воздухе.

А Юля увидела поднимающегося на небольшое возвышение, заменяющее сцену, Германа. Он был на этот раз во всем черном. Не обращая внимания на редких посетителей, он сел за рояль и, немного размяв пальцы, принялся играть... фантазию-экспромт Шопена. Юля слушала его, позабыв обо всем на свете... И только когда кто-то внутри ее напомнил ей о том, что ее ждут, она почти в слезах выбежала из ресторана и уже в машине поняла, как у нее расстроены нервы...

* * *

Она опоздала на целых двадцать минут. Извинившись, подошла к русоволосой миловидной женщине в сером облегающем платье, и та представилась ей Валентиной. Здесь же, нахохлившись как воробей, сидела в кресле и пила кофе маленькими глоточками Варечка.

– Пожалуйста, пройдемте ко мне, там и поговорим... – пригласила Юля Валентину в свой кабинет.

– Вы знаете, когда я узнала, что случилось с Танечкой, я потеряла сознание... – говорила Валентина, промокая носовым платком уголки глаз и шмыгая носом.

– Расскажите, пожалуйста, о том молодом человеке, который был на вашем дне рождения и который потом стал встречаться с Татьяной Орешиной... Начните с того, с кем он к вам пришел?

– Он пришел с Леночкой, мы с ней вместе работаем в ателье... А мужчина, который с ней был, ее жених... Во всяком случае, так говорила Лена.

– А имени его вы не знаете?

– Да если б знала! Вернее, Леночка-то мне говорила, да я забыла... Имя больно уж редкое, хотя и красивое... А сам парень так вообще красавчик, хотя в его внешности есть что-то приторное, не в моем вкусе... Вы знаете, все, кто был на моем дне рождения, потом только и говорили о том, как по-хамски этот парень обращался с Леной после того, как пришла Таня. Это бросалось в глаза. Танцевал с Таней весь вечер, а Лена... она плакала в ванной комнате, я еще успокаивала ее... Но в этом возрасте все чувства так обострены, я видела, как ей было больно... К тому же ей, по-видимому, действительно было что терять. Я, наверно, повторюсь, но парень очень симпатичный, видный такой...

– Хорошо, я все поняла. А теперь скажите, вы знаете, где живет Лена?

– Конечно, знаю, вы хотите с ней поговорить? Вот это правильно... – Валентина, немного успокоившись, теперь смотрела на Юлю внимательными серыми глазами, то и дело прикладывая платочек к покрасневшим от слез векам. Юля вдруг подумала, что эта женщина одинока, раз приглашает к себе в гости каких-то девиц с их женихами, вместо того чтобы отметить свой день рождения в кругу семьи...

– У меня сейчас встреча в городе, очень важная. Если вы не возражаете, мы бы могли поехать туда вместе, тем более что я должна там просто сказать несколько слов, а потом мы бы поехали к вашей Лене... У вас есть время?

– О чем вы говорите?! Конечно! Если бы только я могла помочь вам... Но ведь все равно... Танечку-то больше не вернуть... Юлия Александровна, вы подозреваете этого мужчину в убийстве?

– Я еще никого не подозреваю... – Юля уже встала и направилась к двери. – Пойдемте?..

В приемной Надя состроила гримаску: мол, мы же опаздываем! И постучала ноготком по циферблату крохотных часиков на руке.

– А где вы договорились встретиться с Лешей? – спросила ее Юля, имея в виду Чайкина.

– Я, если честно, сказала ему, что мы за ним заедем...

– Ну и правильно, там все рядом...

Спустя двадцать минут белый «Форд», взвизгнув тормозами, остановился возле кафе, где за одним из столиков сидел, вальяжно развалившись в кресле, Сергей Иноземцев. На нем был яичного цвета – желто-белый – летний костюм, делавший его похожим на гигантскую аппетитную яичницу.

Надя, Чайкин и Юля подошли к столику, и Юля познакомила своих друзей с универсальным доктором.

– Сергей Иноземцев, известный врач, прошу любить и жаловать...

Иноземцев даже привстал и поцеловал руку смутившейся Наде.

– Вы, уважаемые дамы, можете спокойно оставить своего друга здесь и отправляться по своим делам, – весь сияя, проговорил Иноземцев, по-отечески похлопывая по спине покрасневшего и онемевшего от смущения Чайкина. Сергей по-хозяйски пытался почти насильно усадить Лешу в ажурное пластиковое кресло, рискуя уронить его вместе с ним... Юля усмехнулась, глядя на то, какой мертвой хваткой вцепился в Чайкина, своего потенциального клиента, этот пройдоха. Однако Иноземцев слыл талантливым врачом, и не только хирургом. Говорили, что он хороший психолог и гипнотизер, обладающий большой силой внушения. И Юля искренне верила, что Леше он поможет. Пусть и за немалые деньги. Игра стоила свеч.

– Послушай, ты доверяешь ему? – спросила Надя, когда, оставив несчастного Чайкина на съедение Иноземцеву, они на большой скорости удалялись от кафе в сторону городского рынка, за которым жила Лена Ланцева – девушка, с которой до Тани Орешиной встречался мужчина, быть может, повинный в смерти несчастной девушки. – Юля, ты меня слышишь?

Но Юля не слышала ее. Ей вдруг показалось, что она уже знает имя этого мужчины. Уж слишком часто в ее присутствии последние два дня упоминается словосочетание «красивый мужчина».

– Валентина, – обратилась она к сидящей на заднем сиденье и молчавшей всю дорогу Валентине, посматривая на нее в зеркало, – а этого мужчину случайно звали не Захар?

– Точно, Захар! Ну, конечно, я еще подумала тогда, что в его внешности есть что-то приторное, помните, я еще сказала вам об этом... Захар – звучит почти как сахар.... Захар! Но откуда вы его знаете?

– А фамилию не помните?

– Да и вовсе не знаю. Обычно, когда люди знакомятся, редко когда произносят фамилию. А что, у вас уже есть кто-то на примете?

– Пока еще ничего не могу сказать... Вы сказали, большой желтый дом за рынком, этот? – Юля притормозила возле арки, ведущей в темную и какую-то зловещую подворотню, и кивнула на нее.

– Этот, – ответила Валентина. – Больше таких домов, пожалуй, во всем городе не сыщешь... Какой-то он... не такой...

– Смотрите, какие стены, словно их жиром залили... Неприятное место... – согласилась с ней Юля.

– Да уж... – подала голос Варя, – я бы тоже не хотела здесь жить...

– Зато у нее отдельная однокомнатная квартирка... – заметила, выходя из машины, Валентина, аккуратно закрывая за собой дверцу. – Потому у нее и парни всегда были – есть где встречаться... Сейчас же мужчины какие пошли? Им надо, чтобы у девушки и квартира была, и денежки...

– Однако мужчина, про которого вы рассказали, променял Лену, у которой есть квартира, на совсем еще девочку, Таню... – Говоря это, Юля вошла в арку, открыла витую чугунную калитку и, зажав пальцами нос от ударившего в него зловония, которое исходило от посыпанных карболкой мусорных баков, теснящихся в грязной подворотне, вышла на темный квадратный двор. – Смотрите-ка, ни души... Все смотрят телевизор и ужинают...

Вскоре все, включая Надю Щукину, которая не пожелала оставаться одна в машине, уже стояли у массивной двери, выкрашенной оранжевой краской, и ждали, когда на звонок появится хозяйка квартиры – Лена Ланцева. Но прошло несколько минут, а дверь так никто и не открыл.

– Может, она умерла? – шепотом спросила Щукина, отчего Варя, прошептав: «О господи», зажала рот рукой.

Наконец послышалась какая-то возня за дверью, кто-то прокашлялся, затем раздался звук отодвигаемой щеколды, дверь распахнулась, и они увидели заспанную худенькую девушку, лохматую, черноволосую, в синем шелковом халатике и босую.

– Тетя Валя? – спросила девушка, жестом приглашая Валентину войти и, казалось бы, не замечая всех остальных – Юлю, Щукину и Варю. – Входите...

В квартире было неубрано, в кухне, куда Лена – а это была именно она – пригласила посетителей войти и сесть за стол, повсюду стояли пустые бутылки из-под дешевого вина, а на импровизированных пепельницах из жестяных крышек высились горки скрюченных, замусоленных сигаретных окурков.

– Лена, вот эта девушка – следовательно, – представила Валентина Юлю Ланцевой. – Она хочет с тобой поговорить...

– О чем? Я ничего не знаю...

– Речь идет об убийстве, – продолжала Валентина, внимательно рассматривая сидящую перед ней Лену, явно страдающую с похмелья, и словно бы даже стыдясь за нее перед посторонними людьми. – Я вижу, тебе немного не по себе... Это ты столько выпила? – допрашивала она свою молодую подругу, с укоризненным видом оглядывая кухню, заставленную пустыми бутылками. – Ты уже все знаешь, что ли?

– Конечно, знаю... Но только не знаю, кто это сделал... – Она подняла на них свои зеленые глаза и сказала, делая ударение на каждом слове: – Я его не убивала. – После чего вздохнула, взяла стакан с остатками какого-то сока или лимонада, жадно выпила, затем продолжила: – А денег на похороны у меня тоже нет... Я позвонила в морг, но потом прикинула, что не потяну такие расходы... К тому же он не любил меня... У него была куча баб, вот пусть они его и хоронят... У него, кажется, Вера была, женщина, скажем так, состоятельная... Вот пусть она его и хоронит... Так что вы зря ко мне пришли...

Несмотря на свою хрупкость и внешность подростка – узкие плечи и бедра, маленькая грудь, цыплячья шейка, – Лена говорила тоном бывалой женщины, да и тембр ее голоса мало соответствовал внешности – она почти басила. Возможно, такие метаморфозы произошли с ее голосовыми связками вследствие беспощадного курения дешевых сигарет, да к тому же еще в устрашающем количестве.

Валентина смотрела на нее и качала головой: она ничего не понимала. Да и разве могла она знать, что Лена говорит о смерти своего любовника, Захара Оленина?

– Ты знаешь, что случилось с Таней? – наконец спросила она у Лены. – Ты что-нибудь слышала об этом?

– Таня? Это какая?

– Орешина...

– А что я должна была о ней услышать?... – пожала плечами Лена и, нисколько не придавая значения обращенному к ней вопросу, встала и отправилась к раковине на поиски чистого стакана. Отыскав его на сушилке, она налила из крана воды и сделала несколько жадных глотков.

Юля, понимая, что ей предстоит долгий и обстоятельный разговор, попросила всех выйти.

– Подождите меня на улице... Хотя, в принципе, я никого не держу...

– Нет уж, развезешь всех по домам... – каким-то капризным, не соответствующим обстановке тоном произнесла Щукина, строя недовольную мину.

И тут впервые в своей жизни почувствовав, что ее держат за школьницу, и не принимая всем своим существом панибратства, которое допустила Надя по отношению к ней, да еще и в присутствии Валентины и Вари, Юля сказала жестко и холодно:

– Надя, возьми такси и отвези Валентину с Варей домой, а сама жди меня в агентстве... Все, извините, но мне надо работать... До свидания... – И, резко повернувшись на каблуках, закрыла дверь кухни прямо перед носом остолебеневшей Нади.

Какую-то минуту она еще переживала, как воспримет этот ее неожиданный выпад Щукина, но тут же даже почувствовала некий прилив сил от сознания того, что поступила правильно: дело есть дело. К тому же ей надо отрабатывать полученные от Шонины деньги, не говоря уже об Орешиной, дело которой тоже оказалось на ее плечах... Больше того, эти два дела словно бы пересеклись, и вот сейчас, быть может, она узнает нечто, что прольет свет на шонинское убийство...

Она вернулась и села перед Леной на стул. Бледное, осунувшееся лицо, опущенные уголки губ, в вырезе халата худая костлявая грудь, разве что ребра не просвечивают...

– Послушайте, Лена, я понимаю, что вы себя чувствуете сейчас скверно... Но вы должны ответить на все мои вопросы. Дело в том, что Таню Орешину убили.

Она заметила, как взлетели вверх тонкие брови Лены, как нервная дрожь дернула ее тело.

– Таню... убили? Когда? Кто?

– Ее нашли вчера в Затоне.

– Какой ужас... А я ведь думала, что вы пришли ко мне из-за Захара... Ведь его тоже убили... Да что ж это такое делается?

– Вот поэтому я и у вас... Я знаю, что до того, как начать встречаться с Таней, Захар встречался с вами... Вы не могли бы рассказать подробнее о ваших с ним отношениях? И вообще, что он был за человек? Может, вы, конечно, и не знаете, но ровно год тому назад в Затоне нашли еще одну девушку, вернее, ее вещи, а чуть подальше обгоревший труп Инны Шониной, которая тоже встречалась с Захаром...

– Шонина? Я что-то слышала об этом... Но я не знала, я не знала, что и *она тоже встречалась с Захаром*... Ничего не понимаю... Сначала эта девушка, а теперь Таня? Но ведь и его тоже убили... За что? Может, его ограбили?

– Нет, его не ограбили... Об этом я тоже хотела с вами поговорить... У Захара водились деньги, не правда ли? Но он нигде не работал... Скажите, что вам известно об этом? Где он брал деньги?

– Да, он действительно нигде не работал, это правда... И то, что у него всегда были деньги, – тоже правда... Думаю, ему их давала Вера. Была у него одна женщина, которая любила его...

– Вы видели ее? Вы были с ней знакомы?

– Нет... Упаси боже... Мне это было ни к чему... Дело в том, что Захар смеялся над ней, над ее любовью... Ведь она постарше его, хотя, судя по тому, что он рассказывал о ней, она была умная и занимала какую-то высокую должность... Захар очень хорошо одевался, он любил только все самое-самое... Он даже в еде был разборчив... Во всем, кажется, кроме женщин... Но то, что он великий бабник, я узнала совсем недавно...

– На дне рождения?

– Вы имеете в виду Валентину? Можно сказать, что да... Понимаете, просто я такого никогда не встречала, чтобы парень пришел в гости с одной девушкой, а потом, словно забыв о ее существовании, занялся другой... Самое ужасное было в том, что он ухаживал за Таней открыто... А она что, девчонка, уши развесила и слушала его... Конечно, ей это льстило, ведь Захар был такой красивый...

Юля поморщилась. Ее уже начало раздражать, что все женщины говорят об этом мужчине одинаково пошло, как будто красота является единственным качеством, за которое можно полюбить мужчину.

– Вы после разрыва с Захаром встречались с ним?

Настроенная на отрицательный ответ, Юля удивилась, когда услышала:

– Встречалась...

– Это было случайно, на улице?..

Лена хмыкнула и закурила, словно то, о чем она собиралась сейчас рассказать, ранило ее душу и вызывало неприятные ассоциации. Или, наоборот, – *приятные*?

– Нет, не на улице и не случайно, мы встречались с ним так же, как и раньше, у него дома или у меня... Словно ничего не произошло...

– Ничего не понимаю...

– Да, вы будете сейчас удивлены, но я, представьте, зная прекрасно о том, что он встречается с Таней, продолжала приходить к нему, а он – ко мне... Дело в том, что Таня была девственницей, а Захар не мог, чтобы встречаться с кем-то и не спать... Поэтому он позвонил мне уже на следующий же день после дня рождения Валентины и сказал, что придет ко мне...

– И вы согласились?

Юля задала этот вопрос и тут же пожалела о нем: какое она имеет право настолько углубляться в личную жизнь этой несчастной девушки, которая, похоже, ничего, кроме унижения, от общения с Лениным и не испытала.

– Конечно, согласилась... Я любила его, вот в чем дело... Он пришел ко мне и объяснил, что называется на пальцах, что Таня – девственница и что ему потребуется какое-то время, чтобы уговорить ее лечь с ним в постель... Вы скажете, что это цинизм и все такое... Правильно. Так оно и есть. Но в этом весь Захар. Он сказал, что не намерен менять своих привычек, и принялся стаскивать с меня платье... А на следующий день он позвонил мне на работу и пригласил к себе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.